Груз семейных ценностей

Автор:
Евгения Горская

Груз семейных ценностей

Евгения Горская

Татьяна Устинова рекомендует

Алина считает, что ее жизнь сложилась очень удачно: прекрасный муж, чудесный сын, достаток в доме. И самое главное: она знает, что Слава ее никогда не бросит, ведь их связывает гораздо больше, чем любовь и узы брака, – Алина хранит его тайну. Но убийство Ирины Леонидовны, соседки по дачному поселку, способно разрушить идиллию семейной жизни, ведь оно означает, что тайну Славы знает кто-то еще…

Евгения Горская

Груз семейных ценностей

© Горская Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежеотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а, напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И – главное! – чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская – непревзойденный мастер интриги. Ей удается придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый, стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас, читателей, по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь – и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива – здесь в самый раз… всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

29 июня, четверг

Лето наступать не хотело, но Настя терпеливо его ждала. Смотрела из окна на гнущиеся под ветром мокрые деревья и успокаивала себя тем, что может себе позволить не выходить из дома в плохую погоду. В отличие от миллионов сограждан и в отличие от собственного мужа.

Правда, Сережа на погоду внимание обращал мало. «Потерпи, – утешал он Настю. – Сдадим объект и поедем на юг». Объект, на котором Сережа ставил какое-то сложнейшее оборудование, должны были сдать в июне, неделю назад Настя проводила мужа в командировку и ждала его возвращения со дня на день.

Тетя Ира, узнав, что Сережа уехал, звала ее на дачу, уговаривала и даже, кажется, обиделась из-за отказа. «Ну что тебе делать одной в городе? – не понимала Ира. – Интернет здесь есть, сиди и работай на свежем воздухе».

Интернета Насте для работы было мало, ей был необходим принтер и компьютер с большим экраном, но не ехала она не поэтому. В дождь в собственной квартире тошно, а на даче, где участок наверняка уже успел превратиться в настоящее болото, совсем тоскливо.

Сегодня ее разбудило солнце. Пробивалось сквозь неплотно задернутые занавески. Настя полежала, жмурясь, и решила – поедет на дачу. Без Сережи было грустно, несмотря на солнце, а с Ирой время пройдет и быстрее, и приятнее.

До старого дачного поселка она доехала быстро, постояла, вдыхая чистый пряный воздух. Тетя была права, надо вырываться из города при любой возможности.

Настя открыла ворота, въехала на участок, прошла по узкой, вымощенной плиткой дорожке к дому. Дом лет десять назад построили Настины родители вместе с Ирой и ее мужем Иваном Николаевичем, но родители бывали здесь редко, Настя еще реже, а Ира жила почти постоянно, даже зимой. Дом уже не был новым, но все упорно продолжали называть его только так.

Раньше на месте нового дома была старенькая бабушкина дача, семья собиралась здесь по выходным, и Настя считала дачу вторым домом.

Настя поднялась на крыльцо, крикнула:

– Ирочка! Я приехала! – и обняла вышедшую к ней тетку.

Потом Настя мучительно пыталась вспомнить, заметила ли в тете что-то необычное, и вспомнить не могла. Ничего она не заметила.

Ира накормила ее завтраком, потом они вместе принялись готовить обед. Настя, когда, надев резиновые сапоги, рвала с грядок зелень к супу, отметила, что ягоды на кустах совсем зеленые, странно, что вообще не сгнили при такой-то погодной аномалии. Потом они пили чай, а потом пришла долгожданная эсэмэска от Сережи: «Купил билет, прилечу утром».

Настя решительно начала собираться назад в Москву, помахала тетке Ире из окна машины и всю дорогу подпевала включенному радио.

Тетю застрелили на следующий день поздним вечером на веранде их нового большого дома. Была гроза, и выстрела никто не слышал.

9 июля, воскресенье

Ее тянуло на дачу, как будто присутствие там могло что-то изменить. Деревянный пол был уже отмыт от Ириной крови, и ничто не напоминало о том ужасном, что случилось здесь совсем недавно.

Настя ходила по участку, садилась в кресло-качалку, так и стоявшее до сих пор на веранде, смотрела на кухонную стену, на которую Ира хотела повесить парочку картин, да так руки и не дошли.

– Собирайся! – велел Сережа. – Поедем.

Он торопил ее не зря. Вечером тысячи дачников ринутся в город, и возвращение домой превратится в тяжелое испытание.

– Я останусь здесь, – в который раз сказала Настя. – Сережа, не спорь! Поезжай.

– Нет! – в который раз отрезал муж.

Настя знала, он ее жалеет и беспокоится о ней, и была благодарна за жалость и заботу, но сейчас ей хотелось остаться одной.

Ей было необходимо остаться одной и подумать.

– Настя! – Сережа присел на пол у ее ног и потряс за колени. – Так нельзя. Оттого, что ты будешь ходить как сомнамбула, ничего не изменится. Собирайся!

– Я останусь, Сереженька, – Настя притянула его голову, поцеловала.

– Нет! Я тебя одну здесь не оставлю! – Он выпрямился и устало попросил: – Ну кончай, Насть. Понимаешь же, что я не могу без тебя уехать.

Конечно, она могла настоять на своем. Она может остаться здесь, и Сережа тоже останется, потому что один он не уедет. Ему придется встать в четыре утра, в крайнем случае в пять, чтобы вовремя добраться до работы.

Настя тяжело поднялась, сменила дачные шорты на джинсы, а дачную футболку на любимую голубую блузку. Блузка была из жатой ткани и совершенно не мялась. Очень удобно.

– Я готова! – крикнула Настя мужу.

Обходить дом, проверяя, заперты ли окна, не стала. Окно они открыли только в их комнате на втором этаже, и Настя отлично помнила, что закрыла его пару часов назад, когда пошел дождь.

На гвоздике около двери висела только одна связка ключей, ее собственная. Обычно здесь висела еще и Ирина. Настя заперла дверь и до машины бежала, потому что снова начался дождь.

– Убийцу найдут, – заговорил Сережа, выезжая из поселка. – Наберись терпения.

Настя промолчала. Сережа о ней беспокоился, и она это ценила.

– Начни работать, Настюх, – посоветовал муж. – Сама же говорила, что надо закончить осеннюю коллекцию.

Это он тоже говорил правильно, работа отвлекает. У Насти с подругой Катей была своя фирма. Настя создавала модели одежды, а Катя делала все остальное. То есть Настя делала то, что очень любила делать, а Катя самое неприятное – организацию производства. Если, конечно, производством можно назвать результат работы пятнадцати человек.

Несмотря на кризис, который никак не желал закончиться, продукция раскупалась неплохо. У них было свое ателье, они отдавали костюмчики и платья оптовикам, а недавно открыли еще и интернет-магазин. И даже постоянных покупателей приобрели.

Дождь уже не барабанил по крыше машины, а лил непрерывным потоком. Настя поежилась, от кондиционера в машине становилось холодно.

– Замерзла?

– Немного.

Сережа поменял режим кондиционера, холодный воздух перестал щекотать плечи.

– Она мало была счастливой, – неожиданно сказала Настя.

Сережа пожал плечами – не согласился.

– Она другая была при Иване Николаевиче, – Настю непрерывно тянуло говорить об Ире. – Веселая такая. С Иваном ругалась все время.

– Разве ругаться – это весело? – улыбнулся муж.

– Ира его пилила постоянно, – Настя тоже улыбнулась. – Но так, знаешь… беззлобно. Все время говорила, что работать он должен в Москве, а не в захолустной больнице.

– Так он же вроде бы и работал в Москве, – удивился Сережа.

Он с Иваном Николаевичем знаком не был, но рассказы о муже тети Иры слышал, конечно.

– В Москве он подрабатывал, – объяснила Настя. – В какой-то частной клинике. Он старался Иру обеспечить. А постоянно жил здесь. Ира злилась, но поделать ничего не могла.

Как все странно в жизни, подумала Настя. При жизни мужа тетя мучилась, что ей приходится без конца мотаться за город. Постоянно на это сетовала. А после смерти Ивана Николаевича почти не бывала в Москве. Ездила только по необходимости.

Дождь перестал, когда подъехали к МКАД. Настя наспех приготовила ужин и потом долго лежала без сна, стараясь не разбудить уставшего Сережу.

Илюша капризничал, рвался в мокрую траву, Алина совершенно с ним замучилась. Славик предлагал нанять няню, пока она живет с ребенком на даче, но Алина отказалась. Теперь об этом жалела.

Впрочем, вопрос с няней она могла решить в один момент. До замужества жила в соседнем городишке, всех здесь знала, и найти кого-то, кто помог бы ей с ребенком, проблемой не было. Официально городишко числился поселком городского типа, но и местные, и дачники упорно называли его городом.

Проблема была в другом, после убийства соседки Слава под разными предлогами старался на даче не появляться. А когда приезжал, тут же находил повод уехать. Ему не нравилось, когда участковый лез с вопросами. Не нравилось, что соседи не переставали ахать и охать по поводу убийства. Мрачные стороны жизни Славу не то чтобы пугали, просто он всегда старался от них дистанцироваться. Он от них прятался. Характер такой.

Алину характер мужа устраивал. В их семье сильной приходилось быть ей, и она с этим успешно справлялась.

Дождь лил и лил. Алина читала сыну сказку, постепенно перейдя на шепот, и поглядывала в окно. Ребенок заснул. Она осторожно поднялась со стула, на цыпочках прошла к двери детской, тихо закрыла за собой дверь.

Постояла на крыльце, достала сигарету, закурила. При Славе старалась не курить, муж сразу начинал возмущенно объяснять, как она губит свой организм и организмы окружающих. Муж был ярым приверженцем здорового образа жизни.

Алина, глядя, как он с завидным аппетитом уминает ее стряпню, могла бы напомнить, что и лишний вес в тридцать с небольшим набирать не стоит, но никогда этого не делала. Она делала все, чтобы Славе было с ней легко и комфортно. Даже отлично готовить научилась. Поесть муж любил.

С соседнего участка на дорогу выехала машина. Сосед Сережа закрыл ворота, машина медленно уехала по мокрой дороге.

С соседкой Ириной Леонидовной Алина не то чтобы дружила, но общалась больше, чем со всеми остальными. Во-первых, Ирина жила на даче постоянно и к тому же прямо напротив Алины. Во-вторых, соседка заметно привязалась к Илюше и с удовольствием с ним играла.

Ну а в-третьих, свекор Виктор Федорович за Ириной Леонидовной откровенно ухаживал.

В эти выходные не приехал не только Слава, но и свекор.

«Подожду неделю, – решила Алина, бросая догоревшую сигарету в пепельницу. – Не приедет Слава в следующие выходные, переберемся в Москву».

Она дождалась, когда Илюша проснется, поспешила на звонкий детский голосок.

Дождь на какое-то время перестал. Алина посадила сына в коляску, повезла к расположенному прямо в поселке магазину.

Когда-то она в этом магазине работала. Ей приходилось много работать, она сделала себя сама. Сама отлично, безо всяких репетиторов, окончила школу, сама поступила в институт на бюджетное отделение. Сама окончила его с красным дипломом.

Потом, правда, ничего заметного не достигла. Посидела в полугосударственной конторе с девяти до шести, добираясь до работы в переполненных электричках, и поняла, что без нужных знакомств карьеру сделать невозможно.

Но тут ей повезло. Она вышла замуж.

В магазине никого не было. Алина купила молоко, хлеб, поболтала с продавщицей Машей. Маша была своя, из Алининого городка. После школы окончила какой-то колледж, но работы по душе и по желаемым деньгам не нашла, вот и подрабатывала летом, продавая дачникам продукты первой необходимости.

– Пойду, – решила Алина, посмотрев в окно. – А то опять дождь польет.

Тут в магазин зашла Елена Анатольевна, еще одна соседка по дачному поселку, Алина поздоровалась, тревожно вгляделась в лицо женщины.

– Елена Анатольевна, вам нехорошо?

– Давление скачет, – пожаловалась соседка и заулыбалась тянувшему к ней руки Илюше.

– Так зачем же ходите? – возмутилась Алина. – Сказали бы, я бы вам все купила!

– Спасибо, Алиночка. – Елена Анатольевна попросила у Маши сыр, хлеб, упаковку мороженых обедов. – Начну лежать как колода, еще хуже будет.

– Нет, – не согласилась Алина. – Нужно себя беречь.

Соседка мягко улыбнулась, убрала покупки в сумку, придержала дверь, пока Алина вывозила коляску.

– Ты не боишься одна?.. – это соседка спросила, уже подходя к дому.

– Не боюсь, – ответила Алина.

Чего бояться-то? Поселок охраняется, ночью сторожа обходят его с собаками.

Правда, это не помогло Ирине Леонидовне.

С неба опять закапало. Алина быстро простилась с соседкой и побежала к дому.

Она почувствовала, что подступили слезы, только вечером, когда Илюша заснул.

10 июля, понедельник

Виктор Федорович никогда не думал, что без Ирины ему станет пусто. Конечно, он специально не рисовал себе картины жизни без дачной соседки, просто не догадывался, что Ирина занимала в его жизни такое важное место. И сейчас его мучило, что он не успел сказать ей об этом.

Обычно он приезжал в выходные на дачу или, если Ирина была в Москве, встречался с ней где-нибудь в ресторане. Или совсем не встречался, если он или она были заняты.

Никакой пустоты он при этом не испытывал, он читал, или смотрел любимые старые фильмы, или просматривал рабочие бумаги, или ехал к сыну и играл с внуком.

Сейчас ему было так же тягостно, как когда не стало жены. Даже, может быть, хуже, потому что тогда ему нужно было думать о Славе, нужно было зарабатывать деньги, и полностью отдаваться собственному горю просто не было времени.

Сейчас время было. Когда умерла жена, Виктор Федорович только открыл собственное дело, ему было необходимо заводить знакомства, прокладывать пути в чиновничьи кабинеты, подбирать дельных помощников и контролировать абсолютно все в своей, тогда еще немногочисленной фирме.

Сейчас он знал, что люди подобраны верно. Заместители его не подведут, налоговая не вовремя не наедет, а инженеры не подсунут халтуру. И это было плохо, потому что мешало ему полностью погрузиться в работу.

Выходные он провалялся на диване, пытаясь читать, но читать не получалось, и он просто смотрел в потолок. Он ждал понедельника как избавления, но, проснувшись еще до будильника, не поспешил встать. Продолжал лежать, все так же тупо глядя в потолок.

Он был виноват в смерти жены, непрерывно об этом помнил и все прошедшие годы мучился от чувства вины.

Никто не мог предположить, что у Светы рак. Она была веселой и деятельной, постоянно куда-то мчалась, сажала на даче цветы и зелень, расстраивалась, что Виктор Федорович ведет сидячий образ жизни, и пыталась заставить его бегать по утрам.

В тот год лето было жарким. Вокруг горели леса, а дачный поселок почти в полном составе пропадал на берегу пруда.

Температура у жены поднялась внезапно. Иван Николаевич долго ее осматривал, слушал, выписал антибиотик, потому что сразу же диагностировал воспаление легких. А потом смотрел на Виктора тоскливыми глазами и требовал, чтобы Света немедленно сделала анализ крови.

Слово «онкология» тогда не прозвучало, Иван произнес его недели через три, когда Света снова носилась по участку и смеялась о чем-то с соседкой, стоя у забора.

Они называли Ивана Николаевича перестраховщиком и тихо его жалели.

Онкологию диагностировали поздней осенью, когда сделать ничего уже было нельзя.

Виктор Федорович покосился на будильник и заставил себя встать.

Света была частью его самого, и ему долго казалось, что от него по живому, с кровью, оторвали кусок души и плоти.

Ирину он все-таки считал чужой, а боль была такой же непереносимой.

Он заставил себя съесть завтрак и на метро поехал на работу, понимая, что забыться не удастся.

Мама позвонила рано, Сережа еще не уехал на работу.

– Ты представляешь, ночью раздается звонок! У меня даже сердце защемило! – Настя впервые за последнее время услышала прежний мамин голос. До этого мама только плакала и говорила еле слышно, отчего сердце щемило у Насти.

– И что же случилось? – Настя перехватила трубку и поставила пустую Сережину тарелку в мойку.

– Леночка звонила. С дачи. Кажется, к нам в дом залезли. Вы вчера дом заперли?

– Конечно. И калитку заперли, и ворота.

Сережа насторожился, с любопытством посмотрел на жену. Нет, скорее, с тревогой.

– Леночка заметила огонек у нас в доме. Или ей показалось, что заметила. Позвонила участковому, тот пришел, но дом оказался заперт.

– Показалось! – решила Настя.

– Я тоже так думаю. Сегодня мы поехать туда не сможем, ни я, ни папа. – Родители много работали, и Настя понимала, что после похорон Иры опять уходить в рабочее время родителям трудно. – Съездим завтра или послезавтра. Я вот что хочу сказать – не вздумай одна туда ехать!

– Почему? – вздохнула Настя. – Вы все заняты, а я свободна. Надо съездить и проверить дом. Съезжу днем, к вечеру вернусь.

– Настя, я тебя прошу! – Насте показалось, что мама опять заплакала. – У меня и так нервы ни к черту…

Сережа не выдержал, отнял у Насти трубку.

– Здравствуйте, Татьяна Леонидовна. – Послушал, что говорит ему теща, и решил: – Мы с Настей вместе съездим. Уйду с обеда с работы, и съездим.

Насте хотелось поехать одной, как будто деревянный дом мог только ей открыть, что случилось с тетей. Но спорить она не стала, все равно бесполезно.

Она мало думала об Ире и только теперь поняла, как ее любила.

Сейчас Сережа ей мешал, но она знала – она умрет, если он перестанет ей мешать.

Нужно было садиться за компьютер, но она без дела проболталась по квартире, пока Сережа не позвонил и не сказал, что подъезжает к дому. Тогда она впопыхах собралась и выскочила из подъезда. Им повезло, до дачи они проскочили почти без пробок.

– Подожди, – остановил ее Сережа, когда она достала дачные ключи из сумки.

В дом он вошел первым. Осмотрел веранду, прошелся по первому этажу, потом по второму.

– Ты что-нибудь замечаешь? – наконец спросил Настю.

Она покачала головой – если кто-то чужой и приходил, действовал он очень аккуратно. Ее куртка-дождевик, брошенная вчера на кресло, лежала там же, кроссовки стояли на коврике у порога. Настя подняла куртку и повесила на вешалку.

– Слушай, а где Ирины ключи? – посмотрев на гвоздик у двери, спросил Сережа.

– Не знаю, – пожала плечами Настя. – Мама взяла, наверное.

Сережа не успел пообедать. Настя быстро сварила пельменей, поставила перед ним тарелку и отправилась к соседке Елене Анатольевне. Леночке, как звала ее мама. Ира тоже звала соседку Леночкой.

Леночкин участок всегда поражал ухоженностью. Это было особенно удивительно, поскольку времени над своими грядками и клумбами соседка проводила не больше остальных. «Я их люблю», – показывая на цветы и кустарники, объясняла она Ире. Тетя тоже любила цветы, но у нее они почему-то вырастали чахлыми, невзрачными.

– Ой, Настя! – заметив ее, заспешила навстречу соседка. – Переполошила я вас. Все в порядке дома?

– Вроде бы да, – сказала Настя.

– Неужели вправду померещилось? – Женщина посмотрела на соседский дом. – Я ночью участковому позвонила, он быстро прибежал. Мы с ним двери подергали, заперты. А чтобы кто-то выбегал, я не видела. Не надо было родителям твоим звонить.

– Ну что вы, Елена Анатольевна, – не согласилась Настя. – Спасибо вам. А где вы огонек видели?

– В третьем окне, – уверенно сказала соседка и показала на окно второго этажа. – Мне не спалось, я пошла на кухню выпить корвалол, смотрю, а в вашем доме в окне огонек. Может, где-то далеко гроза была, и это был отблеск?

– Может быть, – с сомнением кивнула Настя.

– А что же тогда?

– Вот и мне интересно.

От соседки Настя вернулась, не выходя на дорогу. Перелезла через невысокий забор, как когда-то в детстве. Зря, намочила об траву джинсы.

– Ну что? – Сережа у нее умница, вымыл за собой посуду, Настя чмокнула его в лоб.

– Леночка заметила огонек в Ирином окне. В Ириной рабочей комнате. Допускает, что это мог быть отблеск от молнии.

Настя начала подниматься по лестнице на второй этаж, но муж ее обогнал, в комнату тетки зашел первым.

Комнат Иры было две. Спальня, в которой стояла широкая кровать, платяные шкафы и комод, и еще одна, с компьютерным столом и книжными шкафами. Эту Ира называла «мое рабочее пространство». Елена Анатольевна видела непонятный огонек в окне «рабочего пространства».

На столе лежали неровной горкой исписанные бумаги – одной тетке понятные заметки, номера телефонов, начатые и брошенные рисунки смешных человечков. По образованию Ира была историком, одно время работала в музее, а в последние годы писала статьи и как-то их публиковала. Однажды тетку даже пригласили на радио, и Настя потом несколько раз слушала часовую передачу, искренне гордясь родственницей.

Сережа принялся выдвигать ящики стола, перебирать исписанные бумаги, а потом тяжело вздохнул. Он, как и Настя, понятия не имел, пропало ли что-то из комнаты Иры или нет.

– Останемся на ночь? – снова вздохнул Сережа.

Настя кивнула – останемся.

Муж нахмурился, подумал.

– Машину нужно куда-нибудь отогнать.

Настя кивнула – машину нужно отогнать. Чтобы ночной гость, если снова появится, думал, что в доме никого нет.

– К Парфеновым, – решила Настя.

Соседи Парфеновы второе лето жили в Болгарии. Они оставляли Ире ключи от дома. Где искать ключи, Настя не знала, но ворота у Парфеновых не запирались, и этого было достаточно.

– Схожу в магазин, – Настя посмотрела за окно, дождя пока не было.

Это лето отличалось от всех предыдущих, дождь лил непрерывно. По дороге к магазину Настя никого не встретила, дачники предпочитали не покидать город.

Пока Илюша спал, Алина повозилась с цветами у забора. Правда, на этот раз занятие, которое всегда ей нравилось, никакого удовольствия не доставило.

Потом поиграла с сыном на ковре в доме, поскольку участок сильно походил на болото. Потом, просто чтобы убить время, посадила Илюшу в коляску и отправилась в магазин. Впереди заметила соседку Настю Берестову. То есть Берестовы – девичья фамилия Настиной мамы и Ирины Леонидовны, а какая фамилия у Насти, Алина не знала.

Хотела покричать, но Настя была далеко и шла быстро, Алина с коляской ее не догнала бы.

– Ду! – Илюша потянулся к незнакомому красному цветку, выросшему у края дороги.

– Цветочек, – объяснила Алина. – Красивый, правда? Цветочки рвать нельзя, пусть растут. Возьми лучше машинку.

Она сунула ребенку маленькую пластмассовую машинку. Илюша потряс игрушкой, бросил на землю. Алина подобрала и снова сунула малышу.

В магазине, кроме Насти и продавщицы Маши, никого не оказалось. Алина вынула сына из коляски, пустила походить по полу.

– Как ты вырос! – подхватила ребенка Настя. – Какой большой Илюша! Совсем взрослый!

– Надолго приехала? – спросила Алина.

С Настей ей было бы повеселее, по крайней мере, было бы с кем словом перекинуться. А то одни старики рядом.

– Нет, – сказала Настя. – Сережа работает, ему тяжело из Москвы ездить.

– Жалко.

– Настя, – влезла в разговор Маша. – Неизвестно, кто?..

– Нет, – быстро ответила Настя.

– Кто, кто! – возмутилась Алина. – Ясно, что какой-нибудь бандит! Сейчас как раз из тюрем выходят, кого в девяностые посадили.

– Ирина Леонидовна такая хорошая была! – Маша по-старушечьи сложила ладошки под подбородком и вздохнула.

– Хорошая, – подтвердила Алина. – Дай мне молоко и сосиски!

Сосисками питаться нельзя, Алина знала, но очень уж не хочется для себя готовить.

– Я, когда в последний раз ее видела… – Маша полезла в холодильник, достала связку сосисок. – Она у меня спрашивала, как в больницу пройти.

– В какую больницу? – насторожилась Настя.

Ира никогда не жаловалась на здоровье.

– Здесь одна больница, – поморщилась Алина. Она не любила пустых вопросов.

– А зачем ей больница, не сказала? – Настя перегнулась через прилавок.

– Кого-то хотела навестить. А кого, не знаю.

Это знала Алина. Только не могла никому рассказать.

– У меня есть знакомая медсестра, – сказала Алина. – В больнице работает. Оля Сидоркина. Знаешь ее? – повернулась она к Маше.

Маша покачала головой. Поселок большой, почти как район Москвы. Всех знать невозможно.

– Позвоню сейчас Ольке, – решила Алина.

Как хорошо было бы, если бы она ничего не знала!

Телефон не ответил. Алина набрала номер еще несколько раз и пообещала Насте, что обязательно дозвонится.

Когда уходили с Настей из магазина, туда заглянула компания из трех молодых парней. Машка заулыбалась, заговорила с ними, с Алиной и Настей даже не попрощалась.

Алина ее понимала. Сама когда-то, стоя за этим же прилавком, на дачников мужского пола поглядывала с надеждой. Правда, прилавок тогда был другой, деревянный. Сейчас в магазине все сделано как в Москве, из пластика.

Славу она приметила не сразу. Невысокий парень приезжал на велосипеде и не оставлял его, как другие, у крыльца, а затаскивал внутрь, чем Алину порядком раздражал. В огороженном поселке велосипеды с улиц не крали.

Это потом она узнала, что у Славы просто такой характер. Не бросай грабли на участке, говорил он Алине, и она послушно уносила грабли в сарай, точно зная, что их сельхозинструмент никому не нужен. Даром начнет навязывать соседям –

не возьмут.

Однажды он подарил ей ветку сирени. Алина уже тогда понимала, что подарил просто так. Сорвал зачем-то, а потом не знал, куда ее деть. Она зарылась лицом в ароматную влажную гроздь, вдыхала изумительный запах и смотрела на Славу со щенячьей благодарностью. По крайней мере, надеялась, что щенячья благодарность у нее хорошо получилась.

Ветку она выбросила по дороге домой. Не тащить же ее в дом, если своей сирени вдоль забора полно.

Через месяц Слава зашел в магазин хмурый и задумчивый. В тот раз он был без велосипеда, рассеянно осмотрел прилавки и задержал взгляд на бутылках с пивом.

– Неприятности? – участливо спросила Алина.

Больше никого в магазине не было, иначе она не полезла бы с такими вопросами.

– Заметно? – усмехнулся он.

– Нет, – твердо сказала Алина. – Не заметно. Но я заметила.

Ему хотелось с кем-то поговорить. Теперь она знала, что неприятности Слава не любит переживать один. Его надо успокаивать, в него надо вселять уверенность. Характер такой.

Впрочем, она знала и другое. В серьезных случаях Слава действует решительно.

Тогда у них в фирме проходила реорганизация, и Слава боялся, что ему не дадут должность, которую он хотел получить. Отсутствие должности он воспринимал как смертельное унижение.

– Господи, какая ерунда! – искренне говорила продавщица Алина. – Тебя обязательно повысят! Вот увидишь! А если нет, то и черт с ними. Напиши резюме, и получишь полсотни предложений!

Она все говорила правильно. Слава стоял, облокотившись о прилавок, и она знала, что уходить ему не хочется. Он ушел, когда в магазине появилась старушка-покупательница.

Этот разговор ничего не значил, но Алина потом вспоминала, как Славе не хотелось от нее уходить, и воспоминание было приятным. А сам он после этого казался ей очень близким. Другом.

Тогда она не надеялась, что Слава на ней женится. Она даже не думала об этом.

Все изменилось, когда произошло то, о чем они с мужем никогда не говорили.

Алина с Настей еще поболтали, стоя на дороге у своих, расположенных напротив друг друга, участков. Потом Илюша закапризничал, и Алина пошла домой, пообещав Насте, что обязательно свяжется с медсестрой Олей.

С мокрых кустов на шею капнула вода, стало холодно, противно. Алина включила обогреватель, села на пол, чувствуя поток теплого воздуха.

– Сейчас искупаемся и баиньки, – сказала она Илюше. – Я буду читать тебе сказку. Хорошо?

По подоконнику опять застучал дождь. В такую погоду хорошо и уютно сидеть дома. Плохо только, что хорошо и уютно ей не бывает, когда Слава не приезжает даже в выходные.

Она знала – муж никогда ее не бросит. Не бросит потому, что она сумела стать его опорой в жизни, и он хорошо это понимает. А еще потому, что их накрепко связало то, о чем они старались не помнить.

Слава ее не бросит. Все образуется.

Они вместе вырастят Илюшу, и сын никогда не будет представлять, что такое нищета.

Нужно только не забывать, что она обязана быть сильной.

Виктор Федорович не ожидал, что сможет на какое-то время забыть, что Ирины больше нет, но это ему удалось. Генерального директора фирмы ночью увезли на «Скорой» с тяжелым сердечным приступом. Виктор Федорович сначала долго успокаивал жену генерального, позвонившую, когда он только отпирал свой кабинет, а потом ему пришлось заниматься текучкой, от которой генеральный его давно уже освободил.

По ходу дела приходилось во многом разбираться, и к вечеру он почувствовал, что с непривычки сильно устал.

Хотелось домой, поужинать в тишине, выпить сто грамм водки и забыться до утра, но он все-таки позвонил сыну. Он не разговаривал со Славой несколько дней, и это нарушало их сложившееся течение жизни.

– У вас все нормально? – спросил Виктор Федорович. – Как Илюшка?

– Я на даче не был, – неохотно признался Слава.

– Почему? – удивился Виктор Федорович.

Сын начал объяснять, как сильно был занят в выходные, но они оба понимали, что он несет первое, что пришло в голову. В прошлые выходные участковый с двумя мужчинами в штатском пытались их расспрашивать. Как и всех остальных соседей. Сказать, что при этом им сильно докучали, было бы большим преувеличением, но все равно расспросы были неприятны. Правда, Виктор Федорович не ожидал, что общение с полицией настолько неприятно Славе, что он решит не навестить жену и ребенка.

– Ладно, я сейчас туда съезжу, – перебил Виктор Федорович.

Сын сейчас раздражал его настолько, что Виктору Федоровичу хотелось поскорее свернуть разговор.

– У них все нормально, пап, – заверил Слава. – Я с Алиной разговаривал полчаса назад.

– Я поеду, – поморщился Виктор Федорович и, не прощаясь, прервал вызов.

Сын часто его раздражал, и Виктор Федорович обычно чувствовал себя виноватым за это раздражение. Парень остался без матери в подростковом возрасте, такое не может пройти без последствий.

Разболелась голова. Неплохо было бы померить давление, но он просто проглотил таблетку анальгина, попрощался с секретаршей генерального, которую мучил весь день, и поехал на дачу.

Поехал в самое неудачное время. Несмотря на почти непрерывный дождь, желающих попасть за город было много. После недавнего урагана МЧС рассылало предупреждения о новых неминуемых природных бедствиях, но жители Москвы и Подмосковья на предупреждения внимания обращали мало. Есть возможность сидеть дома, под проливной дождь никто и без предупреждения не полезет, а если такой возможности нет, если нужно утром попасть на работу, а вечером вернуться домой, в любую погоду поедешь хоть к черту на кулички.

Машины шли медленно, и добирался Виктор Федорович долго. Обычно он привозил с собой массу продуктов, но сейчас останавливаться у магазинов не хотелось. Голова болела заметно меньше, но он чувствовал себя совершенно обессиленным.

«Попью с Алиной чаю, и все, – успокоил себя Виктор Федорович. – Не объем».

Покупку продуктов он никогда со снохой не согласовывал, и обычно получалось, что привозил много лишнего. Впрочем, на даче был хороший холодильник, сохранить продукты не проблема.

Алина сначала пыталась поручать ему покупать что-то вполне определенное, но быстро поняла, что руководить свекром нельзя совсем. Даже в такой малости. Алина умная девочка, напрасно он был резко против брака сына. Впрочем, отрицательного отношения к Славиному выбору Виктор Федорович никогда не высказывал, ни сыну, ни кому-то другому.

Только Ирина об этом знала. Не потому, что сказал, а потому что догадалась.

Впрочем, догадаться было нетрудно. Девяностые хорошо перемешали население, но все-таки Славиной средой была московская профессура, и деревенская девочка-продавщица ему никак не подходила.

На калитку соседского участка он старался не смотреть. Он не смотрел, но к горлу подступил комок, пришлось даже постоять около машины. Алина его увидела, вышла на крыльцо, наблюдая, как он въезжает на участок.

– Привет, – сказал он снохе и заставил себя улыбнуться. – Спите уже?

– Спим, – кивнула Алина.

Она его побаивалась, хотя Виктор Федорович всегда старался быть с ней ровным и даже ласковым.

Когда-то какая-то дура-подружка сказала его будущей жене про совсем еще молодого Виктора – тебе с ним трудно будет, он неласковый. Они со Светой потом долго смеялись над этой фразой. Он знал, жене с ним хорошо. И ему с ней было хорошо.

Потом ему хорошо было с Ирой, но он об этом не догадывался и не успел ей об этом сказать.

– Я не привез ничего, – покаялся Виктор Федорович. – День тяжелый был.

– Ничего, – быстро сказала Алина. – У нас холодильник забит. Мяса тушеного целая кастрюля, хотите?

– Хочу, – кивнул он. Есть ему не хотелось, но он не успел пообедать и понимал, что морить себя голодом глупо и недостойно. – Спасибо.

Алина скрылась на кухне. Он поднялся в детскую, постоял над кроваткой внука. Илюша показался ему бледным и худеньким, и у Виктора Федоровича тревожно сжалось сердце.

Он осторожно прикрыл дверь, на цыпочках прошел к Алине на кухню и неожиданно предложил:

– Ты скажи, если что-то надо купить. Я привезу.

– Ну что вы, у нас все есть, – повернувшись к нему от плиты, улыбнулась Алина, и он только теперь заметил, что глаза у нее заплаканны.

– Что с тобой? – Он быстро шагнул к снохе и, взяв ее за плечи, развернул к себе. – Алина, что случилось?

– Ничего, – она повела плечами, освобождаясь. – Так… Настроение плохое.

Он почти ничего не знал о ее родственниках. На свадьбе видел мать, расплывшуюся тетку неопределенного возраста. Поцеловал ей руку и перекинулся парой фраз.

Больше он мать Алины не видел и даже не знал, навещает ли она внука.

– Алина, – на всякий случай повторил он, садясь за стол. – Точно ничего не случилось?

– Точно.

Она поставила перед ним тарелку с тушеным мясом, положила вилку, нож.

– Вкусно, – похвалил он, положив кусочек мяса в рот. – Полиция больше не приходила?

– Нет, – Алина села напротив, подвинула себе чашку с чаем. – Зачем им приходить? Всех опросили.

Всех опросили, но никто ничего не видел и не слышал.

– Мерзкая погода. Не хочешь в Москву переехать?

– Подумаю. – Она отпила чай, посмотрела куда-то мимо него. – Такого холодного лета еще никогда не было.

– Человечество не слишком долго наблюдает за погодой, – усмехнулся Виктор Федорович. – Все когда-то было, даже ледниковые периоды. Переезжай в Москву, не простудить бы парня.

– В Москве тоже холодно. – Она продолжала смотреть в сторону, но уже не плакала.

Сейчас он мог подумать, что слезы невестки показались.

Виктор Федорович доел мясо, отодвинул тарелку.

– Поеду, Алина.

Провожая его, она опять вышла на крыльцо. Кроме Светы, никто так не делал, даже Ирина оставалась в доме, когда он уходил. Шла за ним только до двери, чтобы запереть замок.

Машину он остановил, выехав из поселка. Достал телефон, повертел в руках бросил на соседнее сиденье и взялся за руль. Он давно дал себе слово не вмешиваться в жизнь сына и этому правилу всегда следовал. Да и что он мог сказать Славе? Что нужно находить время для семьи? Славка и так это знает, не маленький.

Дождь не переставал, и неожиданно Виктору Федоровичу показалось, что такого тоскливого мрака, как сейчас на мокрой трассе, история действительно еще не знала.

11 июля, вторник

То, что они затеяли, было настолько нелепо, что Настя периодически тихонько хихикала, притаившись в углу Ириной комнаты.

– Твоя была идея, – напомнил Сережа.

Ему тоже было смешно. Он осторожно поглядывал в окно, пальцем отодвигая занавеску. Из окна хорошо просматривалось крыльцо.

Вообще-то в доме было два входа, когда-то планировалось, что семьи – Ирина и Настиных родителей – не должны мешать друг другу. Но вторую дверь давно не открывали, изнутри она даже была заставлена тумбочкой. Тумбочка была совсем старая, из прежнего бабушкиного дома. Мама утверждала, что ей больше ста лет. Тумбочку никто к себе в комнату брать не захотел, и она временно стояла у двери, подтверждая известную истину, что нет ничего более постоянного, чем временное.

Дождь равномерно постукивал по карнизу. Очень хотелось спать, Настя поймала себя на том, что даже отключилась на какое-то мгновение.

– Ложись спать, – предложил Сережа. – Иди к нам в комнату и ложись.

– Не хочу, – упрямилась Настя.

– Тогда ложись здесь, – наверное, он показал на Ирин диван, но Настя в темноте этого не увидела.

– Не хочу.

Темнота была почти абсолютной. Светились только окна Елены Анатольевны, но их Насте видно не было.

– Ира с Иваном Николаевичем познакомилась из-за меня. Я тогда маленькая была. – Настя все-таки на ощупь добралась до дивана, села, подложила под спину маленькую подушку.

– Да, ты рассказывала.

– У меня была ангина. Родители хотели меня в Москву везти, а кто-то из соседей дал им телефон Ивана Николаевича.

– Тише! – прошептал Сережа, послушал стук дождя и решил: – Показалось.

– Иван Николаевич очень хороший был, жалко, что ты его не знал, – Настя тоже перешла на шепот. – Ира ругалась, что им в любое время звонят, даже ночью, а Иван никогда никому не отказывал. Одевался и уходил из дома, кто бы ни

позвонил. Ира говорила, что он один такой дурак на всю Россию.

– Ей не нравилось, что он такой бескорыстный? – Сережа опять отвел занавеску, вгляделся в темноту.

– Да все ей нравилось! На самом деле она им гордилась. Иван Николаевич действительно был замечательным доктором. А деньги, когда ему предлагали, брал, не отказывался. Конечно, когда лечил во внеурочное время. Такого, чтобы Иван Николаевич вместо бесплатной помощи деньги брал, не было. Это даже представить невозможно! Сережа, который час?

Сережа отошел от окна, посмотрел время на экране телефона.

– Без десяти два. Ложись!

– Ты думаешь, он не придет?

– Не знаю, – серьезно ответил муж. – Елена Анатольевна тетка здравомыслящая, на психопатку не похожа. Если говорит, что видела в окошке свет, значит, так и было. И уж точно она не стала бы в полицию просто так звонить. Я думаю, кто-то здесь был и что-то искал. А вот нашел ли, неизвестно.

– Сережа, ложись ты, – решила Настя. – Поспи, тебе на работу завтра. А я подежурю.

– Ты у меня бравый караульный.

В конце концов они заснули оба. Посидели, обнявшись, потом Настя ушла в их комнату, а Сережа лег на диване в коридоре, уверенный, что обязательно проснется при любом шорохе.

Все это выглядело смешно и нелепо, только в Иру кто-то выстрелил всерьез.

Настя проснулась, когда Сережа поцеловал ее, сказал, что уезжает. Она тоже его поцеловала и сразу снова заснула. Ей было совестно, что, несмотря на смерть любимой тети, она абсолютно счастлива.

Она не догадывалась, что счастья может не стать в одно мгновение.

Медсестре Ольге Сидоркиной Алина дозвонилась утром. Покормила Илюшу кашей, опустила на ковер с кучей игрушек и, пока малыш не начал капризничать, набрала Ольгин номер.

Правды Настя не узнает, но помочь ей пройти по следам Ирины Леонидовны нужно. Алина не слишком хорошо знала соседку, но понимала, что от мысли попасть в больницу Настя не откажется.

Про убийство в дачном поселке вся округа уже знала, конечно. Сказать, что преступность вне дачного поселка нулевая, было бы большим преувеличением, но убийств давно не случалось. Кражи были, пьяные драки, а жизни никто никого не лишал.

– Оль, убитая моя соседка была, – объяснила Алина. – У нас участки напротив.

– Ужас какой! – посочувствовала Оля. – Как думаешь, за что ее?..

– Откуда же мне знать? – Илюша закатил машинку под кровать, Алина нагнулась, достала игрушку, подвинула сыну. – Говорят, она накануне в больницу ходила. Можешь узнать, к кому?

– Нет! – сразу отказалась подружка. – Как я узнаю? У нас ведь приема, как в поликлинике, нет, чтобы по записи. Врачи своих, конечно, принимают, но они же нигде не пишут, кого приняли.

– Вроде бы она кого-то навещала.

– А это тем более не узнаешь. Посетителей же не регистрируют.

Вообще-то Алина не сомневалась, что разговор именно этим и закончится. Она еще поболтала с подружкой, просто так, ни о чем, пока Оля не вспомнила:

– Ты знаешь, что Степан Михалыч Дормидонтов умер? Кольки Дормидонтова отец?

– Слышала, – сказала Алина. – Мама говорила.

Еще мама рассказала, что, когда она навещала Степана Михайловича, к нему в палату пришла незнакомая женщина, что Степан вышел с ней в больничный двор и о чем-то недолго шептался. Женщину мама описала подробно, и Алина сразу узнала Ирину Леонидовну. Не узнать было трудно, к тому времени Алина уже знала, что Ирина с дядей Степаном виделась.

– А отчего он умер-то? – поинтересовалась Алина.

– От пьянства, – хмыкнула Ольга. – Печень насквозь гнилая была.

– При его жизни не запить трудно, – пожалела бывшего соседа Алина. – Сына похоронил, жену похоронил.

Жизнь у Степана Дормидонтова действительно была не из легких. Его сына Колю Алина помнила плохо, парень был постарше ее, к тому же учились они в разных школах. Знала только, что Коля Дормидонтов в компании таких же придурков напал на инкассаторов, похитил кучу денег, а потом его пристрелили. При задержании. История была громкая, о ней даже по телевизору говорили.

Колькина мать смерти сына не перенесла, и сосед Степан Михайлович доживал свой век одиноким.

– Знаешь, мне его жалко, – призналась Алина. – Михалыч хороший дядька был.

Алина простилась с подругой, подошла к окну. Дождя не было, но она с тоской оглядела мокрый участок. Грязь непролазная, ребенка в травку не пустишь.

Алина снова взяла телефон, позвонила матери.

– Мам, ты дома сегодня?

Мать работала в магазине рядом с домом и была там какой-то небольшой начальницей. За кассой не сидела. Вернее, сидела, но редко, только когда приходилось подменять кого-то из заболевших кассиров.

Ей очень повезло. Работы в городке практически не было, а ездить каждый день в Москву молодым тяжело, а уж перед пенсией и подавно.

– Дома, Алиночка, – обрадовалась мать. – Зайдешь?

– Зайду, – решила Алина. – Сейчас Илюшу одену и приду. Холодно на улице?

– Холодно. Обещали двадцать градусов, но это когда еще будет. Часам к трем, да и то если дождь не пойдет. Вот чертова погода, как в октябре!

Алина сунула телефон в сумку и объявила Илюше:

– Сейчас поедем к бабушке.

Пока шла по дачному поселку, никого не встретила, даже у магазина. Да и потом народу почти не было, только у железнодорожного переезда ее обогнали несколько человек с только что прошедшей электрички.

Слава у матери в гостях был только однажды, перед свадьбой. Алина зазвала его познакомиться. Перед встречей она очень волновалась, но все прошло хорошо. Слава с матерью шутил, убогость их квартирки не заметил, еду нахваливал. Только после этого ни разу о матери не спросил, как будто ее вовсе не было. Иногда Алина что-то о матери рассказывала, Слава слушал, кивал. Муж был хорошо воспитанным человеком.

Летом, живя на даче, Алина приходила к матери почти каждый день. А когда переезжала в Москву, мать ее навещала. Часто, каждую неделю. Приезжала днем, когда Слава был на работе. Мама очень любила Илюшу.

У подъезда Алина встретила материну соседку. Мать с соседкой дружила, а Алина ее терпеть не могла. Лезет все время куда не надо. Вот и сейчас соседка остановилась, засюсюкала с Илюшей, а потом цепко оглядела Алину:

– К бабушке?

– К бабушке, – кивнула Алина. Интересно, к кому еще они могут направляться, входя в материн подъезд?

– А что же зять не приходит? – Тетка поставила перед собой сумку-тележку, не давая Алине пройти.

– Приходит! – отрезала Алина, отодвинула тележку и протиснула коляску в подъезд. Поднялась на свой этаж, позвонила в дверь.

Ключи у нее были, но она давно ими не пользовалась.

– Солнышко мое! – Мама открыла дверь почти мгновенно, заулыбалась, вынимая внука из коляски, подняла на вытянутых руках. Илюша тоже заулыбался, он любил бабушку.

Только он один и любил. Да еще Алина.

С матерью Алине было хорошо, она даже подумала, не остаться ли здесь до вечера.

Окончательно Настя проснулась поздно. Сварила кофе, поглядывая в окно. Сквозь облака пробивалось солнце. Настя вышла на крыльцо, постояла, но очень быстро пришлось вернуться в дом – ветер дул холодный.

Сделала себе бутерброд с сыром, съела, запивая кофе. Сполоснула чашку и поднялась к Ире в комнату.

Там она долго и планомерно просматривала бумаги в Ирином столе, папки и книги на книжных полках и даже ощупала теткину ветровку, висевшую на плечиках в платяном шкафу.

Одежду тетя любила. К каждому сезону заказывала у Насти блузки, брюки и свитера и подолгу крутилась перед зеркалом. Настя обновки хвалила, заверяла, что тете все очень идет. Ира, довольная, вешала одежду в шкаф и, кажется, про нее забывала, потому что Настя чаще всего видела ее в старых джинсах и фланелевых рубашках.

Ничего, что могло бы заинтересовать ночного воришку, Настя не обнаружила. Была масса бумаг, исписанных обрывочными, понятными только Ире, фразами. Было завещание, в котором тетя отписывала все свое имущество Насте.

Завещание можно было и не писать, Настя и так являлась ее единственной наследницей. Не считая мамы, конечно, но мама едва ли решит отнять что-то у Насти.

Над старыми альбомами с фотографиями Настя застыла надолго. Тетя давно собиралась старые фото отсканировать, но Настя не знала, успела ли она это сделать. Некоторые фотографии были совсем старые, конца позапрошлого века. Насте не верилось, что люди со спокойными строгими лицами ее предки. Они казались чужими, ненастоящими.

Настя знала, конечно, что родных выкосили войны, репрессии и все то страшное, что творилось со страной в прошлом веке. Но все это было таким далеким, что тоже казалось ненастоящим. Впрочем, многие считают, что хорошо было как раз тогда, а сейчас страна идет к гибели.

Настя отложила альбом, села за Ирин стол, открыла ноутбук. В электронных документах царил такой же беспорядок. И здесь Настя не нашла ничего, что могло бы заинтересовать вора.

Через несколько часов она почувствовала, что устала. Выглянула в окно и решила сходить в магазин, пока опять не полил дождь. Пройдя соседскую калитку, вернулась, заглянула к соседке Леночке.

– Елена Анатольевна, здравствуйте, – улыбнулась Настя. – Хочу сходить в магазин. Вам ничего не нужно?

– Ты здесь? – удивилась соседка. – Я думала, вы с Сережей уехали.

Леночка сидела в плетеном кресле с планшетом в руках. Положила планшет на стол, поднялась.

– Мы решили побыть здесь ночью, – призналась Настя. – На всякий случай.

– Что хочешь думай, – покачала головой Елена Анатольевна. – А свет я у вас в окне видела. Ну не с ума же я сошла? Был там огонек, то ли от фонарика, то ли от телефона. Я тогда еще на крыльцо вышла, покричала, думала, мама твоя приехала. А потом уже пошла участковому звонить. Не надо было?

– Ну что вы! – возразила Настя. – Конечно, надо. Спасибо вам. Так купить что-нибудь в магазине?

– Нет, Настенька, спасибо. Вчера ходила. – Соседка подошла к окну, потрогала незнакомый Насте цветок в горшке. – Плохо мне без Иры. Одиноко. Я ведь ее с детства знала. Уеду я, наверное. Тоскливо здесь и холодно.

– Подождите, – попробовала уговорить соседку Настя. Она знала, что Елена Анатольевна очень любила дачную жизнь. – Во второй половине июля тепло обещают. Лето еще наступит.

– Все время Иру вспоминаю, – вздохнула Елена Анатольевна. – Я в последний раз ее видела утром, накануне этого кошмара. Мы у забора стояли, разговаривали, а потом девушка какая-то к ней пришла.

– Какая девушка? – насторожилась Настя.

– Незнакомая. Сказала, что из больницы. Я сразу отошла, вернулась в дом.

– Какая девушка? – опять спросила Настя. – Как она выглядела?

– Красивая, – сказала соседка. – Немного моложе тебя. Среднего роста, очень стройная, тоненькая. Брюнетка, коротко стриженная. Сейчас редко короткие стрижки носят, а на самом деле это очень женственно.

– О чем они разговаривали? – не отставала Настя. – Вспомните, Елена Анатольевна.

– Я сразу ушла, Настенька. Не слышала. Да какая теперь разница?.. Ира здесь жила, у нее много знакомых. А разговор был обычный, не напряженный. Иначе я обратила бы на это внимание, ты же понимаешь.

Ничего больше у соседки узнать не удалось. Настя шла по пустой дороге, стараясь не замочить джинсы об мокрую траву, и все равно замочила. Нужно было надеть сапоги.

Такая же мокрая и холодная трава была, когда она встретила Сережу. Только тогда был не июль, а конец сентября.

Настя везла ткани с подмосковного склада. Придирчиво выбранные рулоны лежали на заднем сиденье ее тогдашней «Киа», и Настя периодически на них поглядывала. Обычно ткани привозила Катя, но в тот день она встречала каких-то родственников, а знакомого водителя, которого они иногда использовали именно для таких экстренных случаев, как назло, в Москве не оказалось. Вот и пришлось ехать Насте.

Что мотор стучит как-то по-особому, она заметила километрах в пятнадцати от Москвы. Сначала хотела не обращать внимания, но потом все-таки съехала на покрытую мокрым песком обочину. И правильно сделала, потому что больше пары километров не протянула бы, как потом объяснил ей знакомый автослесарь Денис, которому Настя и позвонила, стоя у машины в мокрой траве. Денис обещал приехать, как только сможет добраться, и она терпеливо ждала.

Мимо, не снижая скорости, проезжали машины, и только бежевая «Хонда» остановилась.

– Вам помочь? – опустил стекло Сережа. То есть тогда она еще не знала, что это Сережа.

– Нет! – отрезала Настя.

Он тронул «Хонду», но через несколько метров снова остановился, вылез из машины. Уже стемнело, трасса была мокрой, песок на обочине тоже.

– Давайте я посмотрю, – предложил Сережа. – Что с машиной?

– За мной сейчас приедут, – хмуро объяснила Настя и отвернулась от непрошеного помощника.

Сережа не уехал, он остался. Он остался с ней навсегда.

– Ты всегда останавливаешься, когда видишь девиц у обочины? – допытывалась потом Настя.

– Никогда не останавливаюсь, – улыбался он.

– А около меня почему остановился?

– Потому что ты моя судьба. Я же не мог проехать мимо собственной судьбы.

Ей хотелось, чтобы он говорил что-то другое. Что увидел ее и сразу влюбился на всю жизнь, например. Впрочем, и то, что он говорил, Настю вполне устраивало.

Она знала, что она его судьба.

В магазине стояла очередь. Женщина с параллельной улицы с мальчишкой лет семи и незнакомый мужчина. Женщина придирчиво осматривала печенье, которое предлагала ей Маша, и морщилась. Настя Маше посочувствовала. Мальчик дергал мать за руку и что-то канючил.

Наконец печенье было выбрано, хмурая мама с ребенком удалились, мужчина купил две банки пива и четыре бутылки воды, и Настя начала набирать продукты.

У мамы было хорошо. Поиграли с Илюшей, потом уложили его спать. Кроватку мама купила, когда Илюша только родился, но малыш спал здесь только несколько раз. Алина укладывала его, приходя к матери, когда малыш был еще грудной.

Мать почитала ему сказку, малыш заснул, они с Алиной спокойно пообедали. А потом Алина засобиралась.

– Побудьте еще! – ненавязчиво уговаривала мать. За эту ненавязчивость Алина ее уважала, знала, что матери хочется, чтобы внук остался подольше.

– Пойду, мам, – отказалась Алина. – Завтра ты работаешь… Послезавтра загляну. Если дождя не будет.

Везти коляску к дачному поселку было тоскливо. Неправильно все сложилось в ее семье, если бабушке приходится видеть внука почти тайком. Впрочем, это

еще можно исправить. Нужно приглашать маму, когда Слава дома, вот и все.

Решение было простым и очевидным, и Алина повеселела.

Заходить в магазин было незачем, но она заглянула. Хоть с Машей поговорит, а то и перекинуться парой слов не с кем.

Кроме Маши в магазине оказалась Настя.

– Привет, – обрадовалась Алина.

Илюша тоже что-то сказал, похожее на «е-е», и все засмеялись.

– Мне нужно найти медсестру или врача. Среднего роста, брюнетку, очень стройную и очень красивую. Она работает в больнице, – сказала Настя, когда Маша вышла в подсобку.

– У всех свое понятие о красоте, – удивилась Алина.

Но вообще-то ей стало приятно, что Настя не обсуждает это с Машей. Алина с Настей подруги, а Маша так, сбоку.

В магазин заглянули две девочки лет семи, попросили мороженое. Маша выдала им вафельные стаканчики, рассчиталась с Настей.

– Елена Анатольевна видела, как к Ире приходила красивая брюнетка из больницы, – рассказала Настя уже на улице. – В тот день, когда ее убили. Разговора Леночка не слышала, слышала только, как девушка сказала, что она из больницы.

– Да, – спохватилась Алина. – Я сегодня Ольге, медсестре, дозвонилась. Она говорит, что узнать, к кому Ирина Леонидовна приходила, совершенно невозможно. Врачи левых больных принимают, но, понятное дело, их не регистрируют. И посетителей, приходящих к больным, не регистрируют.

– Ты не спросишь у нее про красивую брюнетку?

– Спросить могу, но у нас полбольницы брюнеток, – вздохнула Алина. – И потом. Что значит красивая? Для кого-то красивые – у кого кожа да кости, а для кого-то – пышечки.

– Дя, – отчетливо выговорил Илюша, подруги засмеялись.

– Леночка раньше визажистом на телевидении работала, – сказала Настя. – Если она говорит, что девушка красивая, значит, красивая в таком… классическом смысле.

– Надо же! – удивилась Алина. – А я не знала, что Елена работала на телевидении. Я думала, она… попроще.

Впрочем, визажист небольшая величина. Не телезвезда же в самом деле.

– Слушай, – задумалась Алина. – А девка русская?

– Не азиатка, – уверенно кивнула Настя. – Это Леночка бы отметила.

Алина достала телефон, опять позвонила Ольге и выслушала то же самое, что сама сейчас говорила. Что брюнеток ровно полбольницы и что в основном все симпатичные, уродок совсем нет.

Еще подруга приставала, конечно, зачем Алине нужна брюнетка, но Алина ловко увернулась от расспросов.

– Зайди ко мне, – позвала Алина Настю, подойдя к дому. – Мама печенья напекла, чайку попьем. А хочешь, чего-нибудь покрепче? Славка из Италии отличное вино привез.

Настя отказалась. Вечером приедет Сережа, нужно готовить ужин.

Дождь пошел минут через десять после того, как Алина вошла в дом. Хорошо, что не задержалась у матери. По кухонному окну хлестали ветки растущей у дома черноплодной рябины, становилось тревожно, неуютно.

Часов в восемь позвонил Слава. Алина заверила, что все в порядке.

– Когда приедешь? – Она хотела спросить равнодушно, а получилось заискивающе. Нехорошо, надо самой справляться с плохим настроением.

– В выходные обязательно, – пообещал муж и как бы между делом спросил: – Менты наведывались?

– Нет, – устало сказала Алина. – Они же у нас все выяснили.

У них нечего было выяснять. Слава и Виктор Федорович в ту ночь были в Москве, а у Алины маленький ребенок, от него не отойдешь.

По комнате прополз слабый свет фар, это приехал сосед Сережа. Через час фары засветились снова, а света в Настином доме больше не было. Соседи уехали.

Черноплодка продолжала бить по окну. Алина дождалась, когда Илюша заснет, нашла секатор и вышла под дождь. Перерезать ветку сил не хватило, ветка была толстая, а секатор слабый, и Алина ее сломала.

Сегодня приболевший генеральный, несмотря на слабость, на работу приехал. Виктор Федорович мог опять отстраниться от дел, но не стал. Начал разбирать новые инженерные разработки фирмы, неожиданно увлекся и даже пожалел, что так долго не вникал полностью в дела. Заказы были, прибыль росла, вот он и пустил все на самотек. Хорошо, что квалификацию не успел совсем растерять.

Тоска накатила неожиданно и прочно. Ноу-хау перестали быть интересными, Виктор Федорович выключил компьютер, заглянул к генеральному, сообщил, что уезжает. Генеральный выглядел скверно.

– Ты бы ехал домой, – предложил Виктор Федорович, с тревогой вглядываясь в лицо сослуживца. – Срочного ничего нет, а если будет, без тебя денек обойдемся.

– А дома-то мне что делать? – усмехнулся генеральный. – Таблетки у меня и здесь под рукой. Даже вон полежать есть где. – Он кивнул в сторону большого кожаного дивана.

Диван пару лет назад заказали для кабинета Виктора Федоровича, но, увидев бежевое страшилище, Виктор от него решительно отказался. Он тогда сильно расстроил этим зама по хозчасти, которая для него постаралась.

Сначала диван постоял в комнате инженеров, и использовали его исключительно как хранилище ненужных бумаг, а потом генеральный, посмотрев на заваленного хламом кожаного монстра, забрал его к себе в кабинет. Виктор Федорович ни разу не видел, чтобы на диване кто-то сидел.

– Поезжай, Витя, не беспокойся, – махнул рукой генеральный. – Нечего мне дома делать, скука одна. А если что, я тебя наберу.

Настаивать Виктор Федорович не стал, сам терпеть не мог надоедливой излишней заботы и не выносил, когда на него давят.

Пообедать зашел в ресторан недалеко от дома. Есть не хотелось, но он себя заставил. Пока ждал заказ, тренькнул телефон в кармане пиджака. Виктор Федорович достал его, посмотрел на предупреждение МЧС. Опять обещали грозу и сильный ветер. Сунул телефон в карман и подумал, что ему уже несколько суток никто не звонил.

С Ирой они перезванивались постоянно, он даже не заметил, как это вошло в привычку.

– Чем занимаешься? – спрашивала Ира, и он рассказывал, что только что приехал на работу, или что смотрит новый фильм, или еще что-нибудь.

– Чем ты занимаешься? – спрашивал он в ответ. – Работаешь?

– Бездельничаю, – как правило, отвечала Ира. Он знал, что это не так. Работала она много и вполне себя обеспечивала.

Раньше казалось, что эти звонки ничего не значат. Теперь он понимал, вокруг Иры вертелась вся его жизнь.

Слава не звонил, и Виктор Федорович решил ему не звонить. Набрал Алину, выслушал, что у них с Илюшей все в порядке.

Официант принес еду, Виктор Федорович через силу за нее принялся.

Он не верил в случайного убийцу.

Убийство очень походило на заказное, профессиональное. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал.

Он отлично знал, что Ира не имела никакого отношения к криминалу. Она не имела никакого отношения к политике, не вела журналистских расследований.

Захотелось выпить, он пожалел, что за рулем.

Коньяка он себе налил только дома и сразу сделал большой глоток. Гортань приятно обожгло, он сделал второй глоток, поменьше.

Прикинул, сколько лет он знал Иру. Больше тридцати пяти, это точно.

Дача была еще Светиных родителей. Молодой Виктор ее не слишком любил, а если честно, терпеть не мог. Тесть и теща постоянно копались на участке, и ему приходилось, не мог же он спокойно наблюдать, как горбатятся старики. Стариками Светкины родители тогда не были, но это он понял гораздо позже.

Теперь не было ни Светы, ни тестя, ни тещи, а он все так же не слишком любил дачу. Просто маленькому Славе нужно было где-то проводить лето, а уезжать с сыном на два месяца за границу Виктор позволить себе не мог. Он тогда только строил свой бизнес, и ему катастрофически не хватало времени.

Света познакомила его с дачными подружками сразу, в первый же приезд. Подружек было три: Таня, Ира и Леночка. Вот ведь странно, сестер Таню и Иру все так и звали: Таня и Ира. А Леночку называли исключительно Леночкой. До сих пор.

Виктор Федорович сделал еще глоток.

Он бы точно знал, если бы Иру что-то беспокоило в последнее время. Вернее, он точно знал, что ее беспокоило единственное – Настин муж Сергей.

Настя прислушивалась, ловя шум машины, но Сережу пропустила. Он появился неслышно, хлопнул дверью и крикнул:

– Насть! Я пришел!

Настя выскочила к нему из кухни, повисла на шее, не дожидаясь, когда он скинет плащ-дождевик. Дешевые плащики они купили в мае, в электричке, когда ездили к Настиной подруге на день рождения. Торговать в электричках было строго запрещено, как и поощрять торговлю, но усталая пожилая женщина предлагала плащи, и Настя купила. И потому, что стало жалко тетку, и потому, что плащи Насте понравились.

– Будем ходить за грибами, – скептически сказал тогда Сережа, убирая обновки в рюкзак.

За грибами они в этом году так ни разу и не сходили, и плащи провалялись где-то в шкафу.

С Сережей все сразу становилось другим, даже дождь за окном перестал быть нудным, а дом показался уютным и надежным.

Муж поцеловал ее, слегка отодвинул, снял дождевик, с сомнением на него посмотрел и бросил на спинку стоявшего на крыльце плетеного кресла.

– Будем маскироваться по всем правилам, – объявил он Насте. – Сейчас поужинаем, сядем в машину и доедем до леса. А потом потихонечку вернемся своим ходом. Тебе плащ я тоже захватил.

Настя засмеялась, подала ужин. Потом они сымитировали отъезд, оставили машину, как и вчера, у дома Парфеновых и крадучись вернулись под проливным дождем. И опять полночи сидели в темноте, прислушиваясь к каждому шороху за окном. Шорохов за окном не было, только дождь равномерно стучал по подоконнику.

– Все бумаги просмотрела, – рассказывала Настя. – Или наш грабитель забрал, что ему было нужно, или… Или не знаю что.

Сережа промолчал, только покрепче прижал Настю к себе.

– Иван Николаевич попал в ДТП? – через некоторое время спросил он.

– Его сбила машина. У поворота от старого поселка к трассе. – Старым поселком назывались деревенские дома вдоль железной дороги. В отличие от нового поселка, а на самом деле города, ничем не отличающегося от спальных московских районов. – В тот день ему позвонил какой-то больной, он уехал на велосипеде. Вечером уже. И не вернулся. – Настя вздохнула, прислушалась к шуму дождя. – Представляешь, машина его сбила и не остановилась. И «Скорую» никто не вызвал. Если бы вызвали вовремя, он остался бы жив. Это потом врачи сказали.

– Убийцу нашли?

– Нет. – Настя опять прислушалась. – Ужасно. Отсюда до того места, где он лежал, минут двадцать ходу всего.

– Ужасно.

– Ира утром пошла его искать. Но не нашла. Ночью поселковые «Скорую» вызвали. На дороге уже ничего не было. Только кровь.

Показалось, что дождь перестал. Сережа вышел на крыльцо, вернулся.

– Дождь идет. Только мелкий совсем.

– Давай ложиться. Тебе завтра на работу.

– Давай, – согласился он.

Как ни странно, спать не хотелось. Настя лежала, стараясь поменьше ёрзать.

Ира после смерти мужа словно окаменела. Насте было очень ее жалко.

Потом тетя немного отошла. Сосед Виктор Федорович чем мог старался ей помочь. Мама даже одно время думала, что он за Ирой ухаживает, но дальше дружбы дело не зашло.

– Тихо! – неожиданно прошептал Сережа. Настя была уверена, что муж спит.

Он беззвучно вскочил и мгновенно оказался у окна. Отодвинул занавеску и опять прошептал:

– Тихо!

Настя всегда считала себя неспортивной, но тоже мгновенно подскочила к окну. Крыльцо из комнаты видно было хорошо. Темная, похожая на мешок фигура ясно виднелась в слабом свете уличного фонаря. Фонарь висел у Леночки на участке. Леночка боялась темноты.

Человека что-то спугнуло. Он постоял не шевелясь и метнулся в сторону калитки. Сережа бросился в коридор к окну, выходящему на другую сторону участка, Настя за ним. Человека они не разглядели, видели только черное пятно, а потом калитка негромко стукнула.

Отчего-то им обоим сделалось смешно. Наверное, это называется нервным смехом.

Они постояли обнявшись, отсмеялись и снова легли.

Страшно Насте не было. Ей ничего не страшно рядом с Сережей.

На этот раз она заснула сразу.

12 июля, среда

Утром небо оказалось безоблачным, и солнце светило теплое и ласковое.

«Хоть бы пару дней тепло постояло», – помечтала Алина.

– Сейчас пойдем гулять, – сказала она Илюше. – На улице хорошо, солнышко.

Подружки жаловались, как тяжело сидеть с ребенком, но Алина не верила. Сейчас только поняла, какой это нелегкий труд, растить детей.

Хорошо на улице не было. Трава все еще мокрая, ребенка не отпустишь. Алина вывела коляску на улицу и только на дорожке достала сына походить.

Показалась Настя, подошла, присела рядом с Илюшей на корточки.

– Привет, малыш.

– Я думала, вы уехали, – удивилась Алина.

– Да нет, – смущенно улыбнулась Настя и вдруг сказала: – К нам в дом ночью пытались залезть.

– Да ты что! – ахнула Алина.

– Угу. Кто-то хотел дверь открыть, а потом, наверное, понял, что мы в доме. И убежал. Через калитку.

– Нужно участковому позвонить, – заволновалась Алина. – Звони немедленно. Я телефон знаю.

– Да ну, – отмахнулась Настя и засмеялась. – Что участковый сделает? Можно, конечно, собаку по следу пустить, но ведь дождь шел, собака след не возьмет.

– Все равно! Хорошо, что ты с Сережей была, а если бы одна?! Ты с Сережей была?

– С Сережей.

– Обязательно скажи участковому!

– Ну… Увижу, скажу.

Малыш подошел к канаве вдоль дороги, Алина подскочила, отвела в сторону.

– Знаешь, я придумала, как найти девушку, которая к Ирине приходила.

– Подежурить около больницы? – вздохнула Настя.

Алина засмеялась, Настя тоже.

– Нет, правда, – не сдавалась Алина. – Если она работает в больнице, мы точно ее найдем.

Девушка была ей не опасна. Ей никто не был опасен, но лучше бы она совсем ничего не знала.

Степан Михайлович разговаривал с Ириной наедине. Мама это точно видела, она наблюдала за ними в окно, ожидая, когда сосед вернется в палату.

– Я думала об этом, – призналась Настя. – Нужно зайти к Елене Анатольевне, поподробнее расспросить про девушку.

– Пойдем!

– Прямо сейчас?

– А что такого? – Илюша прижался к Алининой коленке, она взяла сына на руки. – Пойдем, пойдем!

Калитка у Леночки была не заперта. Дверь, скорее всего, тоже, но Алина позвонила в дверной звонок, дождалась, когда хозяйка крикнет:

– Открыто!

Елена Анатольевна умела создать уют. Ничего особенного не было в старом доме, а казалось, что здесь поработал дизайнер. Вазы с цветами стояли там, где надо, столик с изогнутыми ножками был словно специально подобран к деревянным полам и стенам.

«Нужно научиться так же обустраивать жилище, Слава это оценит», – решила Алина.

– Девочки! – обрадовалась хозяйка. – Заходите! Я утром ягоды собрала, угощайтесь.

В этом году ягод не уродилось ни у кого. Алина с удивлением посмотрела на большое блюдо.

– Почему у вас все растет, Елена Анатольевна?

– Потому что все нужно делать с любовью, – улыбнулась хозяйка. – А если чего-то делать не хочется, лучше совсем не делать. Все равно ничего путного не выйдет.

Леночка отложила планшет, в котором что-то смотрела перед их приходом, включила электрический чайник.

– Опишите нам, пожалуйста, девушку, которая приходила к Ирине Леонидовне, – попросила Алина, подвинув себе стул. Настя подвинула другой, села рядом.

– Это может иметь отношение к смерти Иры? – серьезно спросила хозяйка. В проницательности ей не откажешь.

– Трудно сказать, – быстро ответила Настя. – Но мы хотели бы ее найти.

Леночка прикрыла глаза, задумалась.

– Рост около ста шестидесяти пяти. Худощавая. Размер… сорок второй. Волосы темно-каштановые, короткие. Прямые. Лицо узкое, правильное. Нос прямой. Одета была в синие джинсы и светлую ветровку.

Алине бы такой словесный портрет! Только у нее при чуть более высоком росте размер сорок восьмой, а лицо круглое. Конечно, страшилой Алину не назовешь, но и красавицей назвать трудно.

У Елены они просидели почти час. Хозяйке не хотелось их отпускать, и Алина это понимала.

– Вы на ночь дверь запираете? – в какой-то момент спросила Алина.

– Конечно, – удивилась Елена Анатольевна. – А почему ты спрашиваешь?

– К нам в дом вчера пытались залезть, – объяснила Настя. – Только мы с Сережей вора спугнули.

– О господи! – Леночка не испугалась, просто задумалась. – Опять! Нужно участковому сказать.

– Скажу.

– И одна дома не ночуй!

– Не буду.

Илюша захотел спать, закапризничал. Алина поднялась, Настя тоже.

– Узнаю у Ольги, когда лучше персонал отловить, и тебе позвоню, – пообещала Алина, прощаясь с Настей.

Когда малыш заснул, опять стало грустно, и Алина впервые подумала, что живет как-то неправильно.

Больше всего она боялась безденежья. Хорошо помнила, как мать теряла работу, как они считали каждую копейку, как радовались, когда матери снова удавалось куда-то устроиться.

И соседи жили так же. Самой большой радостью было поехать куда-нибудь в Турцию или купить машину в кредит. Не жизнь, а мучение.

Сейчас безденежье не грозило, только она не знала, что делать с приступом тяжелой тоски.

Сегодня Виктор Федорович на работу не поехал. Всю ночь заснуть не мог, проворочался, а под утро задремал и проснулся в одиннадцатом часу. Заварил себе крепкого чаю и пил его, поглядывая в окно на почти безоблачное небо.

Он приехал к Ирине с месяц назад, когда она ненадолго вернулась в Москву. Они не виделись несколько дней, и, поднимаясь к ней в квартиру, он радовался так, что хотелось улыбаться. Улыбку Виктор пытался скрыть, потому что вместе с ним в лифте оказалась хмурая тетка, в упор его разглядывающая.

Он тогда обнял Иру прямо у раскрытой двери. Она улыбнулась, высвободилась, пригласила его ужинать. Они о чем-то говорили, Ира смотрела в окно на нудный дождь, отвечала ему, но он почувствовал, что мысленно она не с ним.

– Ира, что случилось? – спросил он тогда.

Ему стало обидно и неприятно, он привык, что она тоже ему радуется.

Ира помолчала, кусая губы, но потом призналась:

– Я только что видела Сережу с какой-то девицей.

– Какого Сережу? – не сразу понял он.

– Настиного мужа.

– Ну и что? – недовольно спросил он. – Ты же его на улице встретила, а не в гостиничном номере. Ты его на улице встретила?

Ирина кивнула:

– Они шли прямо впереди меня. Только быстро шли, быстрее, чем я. Витя, он ее обнимал.

– Это ни о чем не говорит, – постарался он утешить Иру.

– Говорит, – не согласилась она. – Он несколько раз взял ее за плечи так… по-хозяйски.

– Ира, кончай заниматься ерундой! – попросил он. – Мало ли с кем мог идти ваш Сережа. С сестрой.

– У него нет сестры.

– Ну… не знаю. С какой-нибудь подругой детства.

– Я позвонила Насте, она сказала, что Сережа на работе.

– Послушай, не лезь ты в их жизнь.

– Витя, девушка беременна!

– Ира, тебя это не касается!

В конце концов они решили, что Ире нужно поговорить с Сережей.

Она протянула несколько дней, а потом выяснилось, что Сережа в командировке, и разговор Ира решила отложить.

Все это не могло иметь отношения к Ириной смерти. Настя не дочь олигарха, и ее мужу незачем убивать кого-то из страха быть замеченным в адюльтере.

Версия никуда не годилась, но другой у Виктора Федоровича не было.

Он снова заварил чай, сделал бутерброд с колбасой, незаметно его сжевал.

Он ничего не знал о Настином муже. То есть кое-что Ира рассказывала: Сережа хороший мальчик, работает в большой энергетической компании, прилично зарабатывает. И родители у него очень приятные.

А самое главное, он очень любит Настю.

Зазвонил сотовый, пока Виктор Федорович его искал в кармане пиджака, звонки прекратились. Номер на экране был незнакомый, перезванивать он не стал.

Он ничего не знал про хорошего мальчика Сережу, даже его фамилии не знал.

Виктор Федорович покрутил телефон в руках и позвонил Леночке. Что-то конкретное узнать он не надеялся, но больше позвонить было некому. Не расспрашивать же Настину мать Татьяну, она прекрасно знает, что ему такие расспросы несвойственны.

– Здравствуй, Витя, – сразу ответила Леночка.

– Привет, – сказал он. – Ты как там? Не боишься одна?

– Чего мне бояться? – усмехнулась соседка. – Кому я нужна? Сегодня девочки заходили, Алина с Настей. Недавно ушли. Илюшенька большой совсем, скоро заговорит.

– Большой, – подтвердил Виктор Федорович. – Берестовы живут на даче?

– Настя с Сережей. Таня в выходные приедет. А ты?

– Тоже в выходные приеду.

– Ночью кто-то пытался влезть к Берестовым в дом.

– Ничего себе! – ахнул Виктор Федорович.

– Да. Кошмар какой-то! Хорошо, что Сережа дома был, спугнул вора.

Ничего, кроме того, что Сергей ездит с дачи на работу, Виктору Федоровичу узнать не удалось. Да едва ли Леночка и знала что-то такое, чего не знал он.

То, что он затеял, было ребячеством, недостойным солидного взрослого человека.

Виктор Федорович пожалел, что не поехал на работу, потому что до вечера было еще далеко.

А ему было необходимо дождаться вечера.

Хорошо, что дождь так и не пошел, иначе из их затеи ничего не вышло бы. Алина узнала у знакомой медсестры, что персонал больницы заходит только через главный вход. Еще можно пройти с противоположной стороны, но там сейчас такое болото, что и в резиновых сапогах пробраться проблематично. В половине седьмого Настя и Алина уже сидели на лавочке напротив входа в больницу, а Илюша рядом шлепал по лужам.

Занятие малышу нравилось. Правда, он еще пытался в лужу сесть, но этого Алина не допускала.

– Я совсем обнаглела, – вздохнула Настя. – Ничего не делаю. Завтра привезу комп и начну работать. Правда, мне бы большой экран, но справлюсь как-нибудь. Моя компаньонка, Катя, ничего не говорит, но дальше тянуть нельзя.

– Она же понимает, что у тебя тетя умерла.

– Да. Но все равно работать надо.

Алина помолчала и призналась:

– А мне работать совсем не хочется.

– Ну и не надо, раз не хочется, – примирительно сказала Настя. – Сидеть с ребенком тоже работа.

– Еще какая!

Мимо проходили женщины, в основном за сорок. Девушек было немного, и ни одна из них не напоминала описанную Еленой Анатольевной.

– У меня тоже была тетя, и я ее очень любила, – рассказывала Алина. – Она умерла, когда я в институте училась. У нее дом был, частный. Развалюха, если честно. И я сразу в тетин дом переехала.

– А почему она умерла? Болела?

– Тромб в легком. Мама меня отговаривала, но я переехала. Дом недалеко отсюда, минут пять ходьбы. У мамы тогда друг появился, мне хотелось, чтобы она жизнь устроила. Но у мамы все равно ничего путного не вышло. Мужик при ближайшем рассмотрении оказался лодырь и зануда страшный. Скандалы ей начал устраивать, и она его выгнала.

– Нам с тобой повезло, – серьезно сказала Настя.

– Да, – подтвердила Алина.

Конечно, им повезло. У них надежные мужья. Во всех отношениях надежные.

Мимо прошла еще одна женщина, равнодушно их оглядела, улыбнулась Илюше.

– Я своего отца почти не помню. Они с мамой разошлись, когда мне три года было. Он потом приезжал несколько раз. Но алименты, правда, платил исправно.

За последние минут десять в ворота больницы никто не вошел. Настя достала телефон, посмотрела на часы.

– Четверть девятого. Пойдем?

– Пойдем, – согласилась Алина. – Ольга сказала, персонал в восемь сменяется. Утром в восемь и вечером в восемь.

Алина посадила сына в коляску, повезла вдоль неширокой асфальтированной дороги. Настя пошла рядом.

– Вот там мой дом, – подойдя к развилке дороги, показала на кривую улочку Алина. – Давай сходим как-нибудь.

– Давай.

– Не знаю, что с ним делать. Жить там некому, а продавать жалко. Земля точно дешеветь не будет.

– Не продавай, – посоветовала Настя. – Это ваша семейная собственность, она должна остаться потомкам. Илюша вырастет, построит там особняк.

Алина улыбнулась, заглянула в коляску – нагулявшийся малыш спал. Настя заговорила шепотом, чтобы не разбудить.

Дождь так и не пошел. Сережу Настя ждала, сидя на ступеньках крыльца.

Муж задерживался, но она терпеливо сидела, только сходила в дом за ветровкой, потому что к вечеру стало холодно.

После первой встречи с Сережей она очень быстро поняла, что он один нужен ей на всем белом свете.

Сережа тогда впервые уехал в командировку. То есть впервые при Насте. Он звонил ей по вечерам, Настя ждала вечернего звонка и сразу засыпала, а утром начинала ждать вечера, чтобы услышать его голос.

Однажды он не позвонил. Она звонила ему сама, но телефон был вне зоны доступа. Настя не спала всю ночь, ей казалось, что больше она никогда его не увидит, и она точно знала, что в этом случае жизнь кончилась.

Он позвонил в дверь под утро. Настя повисла на нем, плакала и не могла успокоиться, а он с удивлением и почему-то с грустью заглядывал ей в лицо, а потом сказал:

– Пойдем сегодня в загс. Сегодня суббота, они должны работать.

Он не спросил, хочет ли она за него замуж.

Хлопнула калитка. Настя вскочила, подбежала к мужу, он прижал ее к себе одной рукой.

– Ты без машины? – удивилась Настя.

– С машиной, – улыбнулся он и потрепал Настю по волосам. – Оставил ее у леса. У нас конспирация.

Настя рассказала, как они с Алиной безуспешно караулили у больницы темноволосую красивую девушку, Сережа рассеянно слушал.

– Ты устал? – наконец спросила Настя.

– Есть немного.

Конечно, он устал. Он две ночи не высыпался.

Настя постаралась больше к нему не приставать. Они рано погасили свет, молча полежали в темноте и незаметно заснули.

В эту ночь никто к ним залезть не пытался.

13 июля, четверг

Сквозь облака изредка проглядывали звезды, иногда появлялась круглая, светлая луна, снова заходила за облака.

Виктор Федорович остановил машину неподалеку от въезда в дачный поселок. Ворот видно не было, но заезжающие машины просматривались сквозь ветки кустарников.

Хотелось пить. Он не догадался взять с собой кофе и даже не сообразил купить бутылку воды по дороге. Можно было доехать до ближайшего ночного магазина, но ехать куда-то ему было лень, и он предпочел терпеть жажду.

Темные ветки колыхались перед стеклом машины. Он закрыл глаза, откинулся на сиденье. Подумал и поставил будильник телефона на четыре утра. Вряд ли Сергей поедет раньше.

Сюда он ехал прямо за его машиной. Правда, не догадывался, что это машина соседского зятя. Не потому что никогда ее не видел, а потому что не обращал на нее внимания.

Сергей остановился перед воротами, вышел, Виктор Федорович его узнал и проехал дальше.

С той минуты прошло больше трех часов. Иногда Виктор выходил размяться, вдыхал чистый после затяжных дождей воздух, снова садился в машину.

Он не понимал тех, кто оставлял квартиры в Москве и переезжал за город. Здесь хорошо летом, а зимой или в распутицу он предпочитал ходить по асфальту. Он никогда не понимал Иру, которую тянуло сюда в любое время года.

До смерти Ивана Николаевича Виктор с соседкой общался мало. Здоровался, как со всеми другими, и проходил мимо.

Сначала он даже путал сестер Иру и Таню, они были похожи. Правда, это было совсем давно, еще при Свете.

Впервые он зашел к Ирине поздней осенью. Он тогда приехал проверить дачу перед зимой.

Ирина медленно шла по дороге, и он задержался, чтобы с ней поздороваться. Со смерти Ивана прошло уже несколько месяцев, но в глазах у нее стояли слезы. Это он заметил, когда соседка подошла поближе.

Он хорошо ее понимал, сам тяжело пережил смерть Светы.

– Я думал, здесь никого уже нет, – сказал он тогда.

– Есть, – постаралась она улыбнуться. – Я.

Что еще сказать, он не придумал, просто стоял у нее на пути.

– Вообще-то здесь многие зимой живут, – сказала Ира.

– Скучно, наверное, – предположил он.

Она пожала плечами, обошла его и скрылась за своим забором.

Деревья стояли уже почти голые, но редкие желтые листья продолжали медленно падать на дорогу.

Виктор Федорович уже сел в машину, собираясь уехать до весны, но снова вылез, толкнул соседскую калитку и без стука вошел в дом.

– Сделай мне чаю, что ли, – бесцеремонно попросил он, садясь за большой круглый стол.

– А если обед? – улыбнулась соседка.

– Это вообще отлично, – решил он.

Уехал он минут через сорок и совершенно не думал, что очень скоро сюда вернется.

Виктор Федорович задремал. Очнулся с тревожным сосущим чувством. Сразу вспомнил, что Иры больше нет и он не успел сказать ей самое важное. Он почему-то всегда вспоминал, что ее нет, не сразу, только через пару секунд после пробуждения.

Луна спряталась. Только маленьким пятнышком светился фонарь у сторожки охранника. Свет был совсем слабый, с трудом пробивался через листву.

Забавно, но они с Ирой очень часто ссорились. Со Светой он не ссорился никогда.

Может быть, потому, что со Светой он в основном обсуждал лишь Славины отметки, куда поехать в отпуск или какую мебель заказать вместо старой.

Виктор Федорович посмотрел на часы, было ровно три.

Ирина постоянно слушала какие-то оппозиционные передачи, очень переживала, читая очередные дикие решения Государственной думы, и предрекала скорую смену политического режима.

– Да кончай ты! – морщился он. – От нас все равно ничего не зависит. Лучше кино посмотри!

– Мне не все равно, как живет моя страна!

– Мне тоже, – говорил он. – Только страна будет жить так, как ей прикажут.

– Витя, людей нельзя заставить не думать, – с грустью говорила Ира.

– Еще как можно! – не соглашался он. – Достаточно сжечь парочку непонятливых на лобном месте, и все начнут мыслить правильно.

– В России жечь было не принято.

– Ну тогда четвертовать, – не спорил он. – Тоже доходчиво.

Больше спать не хотелось. Виктор Федорович вышел из машины, прошел вдоль дороги метров тридцать, вернулся.

Подумал и переставил машину ближе, проехав ворота поселка.

Ждать пришлось не так долго, как он предполагал. Машина соседа проехала мимо в начале шестого. Дороги были еще пустые, и он старался не прижиматься к идущей впереди «Хонде» вплотную. Но и отставать было нельзя.

Пару раз он боялся, что «Хонда» оторвется у светофоров, но все обошлось. Машина притормозила у шлагбаума, за которым виднелись три больших

административных здания, и Виктор Федорович поехал домой.

Снова оставалось ждать вечера.

Утром красивой девушки с черными волосами и узким лицом у входа в больницу Настя опять не увидела.

Проснулась она, когда Сережа ее поцеловал перед тем, как уехать, и больше не заснула. Она плохая жена. Она должна была встать раньше и приготовить ему завтрак.

Сережа уехал. Она еще повалялась, потом выпила кофе, а с начала восьмого до половины девятого сидела на лавочке возле больницы. Через проходную шли в основном женщины. Молодой высокий парень с интересом оглядел Настю и тоже скрылся за дверью проходной. Почему-то Настя решила, что это хирург.

Небо быстро затягивало облаками, а с востока надвигалась темная туча. Настя с тоской поглядела на небо и неожиданно решила на дачу не возвращаться. Дошла до железнодорожной станции, купила билет и села в подошедшую электричку.

Через час с небольшим она была дома. С удовольствием полежала в ванне, а потом открыла компьютер и не заметила, как просидела за ним больше четырех часов. Хорошо, что позвонила Катя и оторвала ее от экрана. Настя пообещала через пару дней прислать первые выкройки, торопливо съела два кусочка сыра. Она съела бы больше, но больше в холодильнике не было, а готовить что-то было уже некогда.

Позвонила Сереже, но муж не ответил.

Настя сунула ноутбук в сумку и заспешила к метро. Она еще успевала доехать до Сережиной работы, чтобы поехать на дачу вместе с ним, а не мучиться одной в электричке.

Выйдя из метро, она позвонила Сереже снова, он снова не ответил, но тут же прислал эсэмэску: «Я на совещании».

От метро до работы мужа было с полчаса ходу. Сережа как-то показывал ей новое здание, в которое переехала фирма. Тогда тоже было лето, только нормальное, теплое. Они обошли недавно построенный корпус, осмотрели довольно большую территорию, аккуратно засаженную деревцами, а потом ели мороженое в открытом кафе.

За прошедшие два года деревья заметно подросли, помимо них появились клумбы с цветами. Территория была ухожена.

Настя прошла рядом со шлагбаумом, загораживающим въезд на территорию. Вообще-то она боялась, что охранник спросит у нее пропуск, но ее никто не остановил. Пропуска спрашивали только при входе в здание.

Сережа говорил, что стоянка находится далеко от корпуса. Настя пошла по единственной дороге, миновала один из входов в здание и тут заметила Сережу, выходящего из другого входа. Он был метрах в пятнадцати от нее и шел быстро. Настя ему крикнула, но муж не услышал.

Тогда она за ним побежала, но он куда-то исчез. Оказалось, что за кустами находится небольшая лесенка, ведущая прямо к расположенной внизу стоянке. Машин было много, Настя не сразу снова увидела мужа, опять крикнула ему, но Сережа опять не услышал.

А потом она стояла оцепенев, и ей казалось, что она уже никогда не сможет пошевелиться.

К Сереже подошла девушка, он обнял ее одной рукой, как обычно обнимал Настю, притянул к себе и быстро отпустил. Как Настю. Девушка что-то ему говорила, он кивал. Потом пара села в «Хонду», которую Настя считала своей, и машина медленно поехала между рядами.

Девушку видно было плохо, а как Сережа ее обнимал, хорошо.

Какие-то люди обходили Настю, лестница была узкой, Настя им мешала. Она отступила назад, едва сдержавшись, чтобы не усесться прямо на ровно постриженную траву, добрела до первой же лавочки и медленно на нее опустилась.

Толстый шмель зажужжал около сандалии, отлетел. Настя его пожалела, шмелю трудно живется. И траве не дают вырасти, постоянно стригут, и лето холодное. Наверное, ему нечем кормить маленьких шмелят.

Себя Настя тоже жалела. Она ничем не болела опаснее гриппа, и ей не грозило скончаться в обозримом будущем. А скончаться хотелось немедленно.

Пошел дождь. Настя проверила, что ноутбук хорошо укрыт, натянула на голову капюшон ветровки. Наверное, она сидела долго, потому что снующих к стоянке людей становилось меньше, рабочий день давно закончился.

Зазвонил телефон, Настя нехотя его достала.

– Насть, вы уехали, да? – спросила Алина.

– Да, – непослушными губами сказала Настя.

– Жалко. А когда приедешь? В выходные?

– Да, – опять повторила Настя.

Телефон тут же зазвонил снова, она даже не успела его убрать.

– Да, – ответила Настя Сереже. Наверное, это единственное слово, которое она еще может произносить.

– Мне нужно срочно уехать, – говорил Сережа. – Ненадолго, на несколько дней. У заказчиков софт барахлит, я должен посмотреть. Возвращайся в Москву немедленно, ладно? Я тебя прошу.

– Сегодня родители приедут, – соврала Настя. Нет, она может произносить и другие слова.

– Я хочу, чтобы ты вернулась!

– Одна я там не останусь, правда. – Это говорила другая Настя. Прежней не было и никогда больше не будет.

– Обещаешь?

– Да.

– Мне нужно ехать прямо сейчас.

– Я поняла.

Настя положила телефон в сумку, тяжело поднялась. Ей казалось, что до метро она не дойдет, но она дошла. И до электрички дошла. И потом дошла до дачи.

Утром, проследив за соседом Сергеем до работы, домой Виктор Федорович ехал долго, чертыхаясь, глядя на перерытые ремонтниками дороги. Поэтому назад выехал сразу после обеда и приехал на полтора часа раньше ориентировочного срока. Это оказалось правильно, он едва не столкнулся с машиной Сергея у офисного шлагбаума.

Еле успел развернуться на неширокой дороге, но все-таки догнал «Хонду». Потом он все время боялся отстать где-нибудь у светофоров, но не отстал и видел, как Сергей вышел из машины вместе с незнакомой девицей, пара вошла в подъезд блочной девятиэтажки.

Девятиэтажка находилась чуть дальше Ириного дома.

Если бы Ира не сказала, что девица беременна, он мог этого не заметить. Живот не слишком выделялся под распахнутой курткой.

Виктор Федорович немного посидел в машине, потом освободил проезд посигналившему ему «Пежо» и приткнулся на свободное место у Ириного дома. Свободные места были, в квартале уже с полгода платная стоянка.

Наверное, подниматься в ее квартиру права он не имел, квартира теперь принадлежала наследникам, но он поднялся. Отпер дверь своими ключами и

постоял, не зажигая свет.

Открыл дверцу тумбочки, достал свои тапочки, переобулся. Тапочки нужно будет выбросить. Еще нужно выбросить зубную щетку и кое-какие другие его вещи.

А ведь выстрелить мог не только Сергей, могла и эта девка.

Недавно любая мысль, связанная с выстрелами, показалась бы ему дикой. Стреляли только в фильмах и книжках-детективах, которых он никогда не читал. К его жизни это никогда не имело отношения.

Убивают только из-за денег и из-за баб, уверял его когда-то бывший одноклассник. Только из-за денег и из-за баб. Одноклассник долгое время проработал в уголовном розыске, потом уволился и сейчас возглавлял где-то службу безопасности.

Жаль. Сейчас мог бы пригодиться.

Впрочем, у него наверняка сохранились знакомства, нужно иметь это в виду.

Находиться в Ириной квартире было тяжело. Он только однажды был здесь без нее. Ира тогда задержалась на какой-то деловой встрече, он приготовил ужин и терпеливо ее ждал, читая новости на ее компьютере.

А когда она пришла, он так обрадовался, что долго не хотел ее отпускать, обнимая в прихожей.

Они оба думали, что их дружба почти ничего не значит для обоих. Взрослые свободные люди, почему им не проводить время вместе?

Он думал, что убивает с Ирой время, а оказалось, что время он убивал во все остальные часы.

Виктор Федорович заглянул в холодильник. Холодильник был практически пуст, только в морозилке лежала непочатая пачка пельменей. Он достал сковороду, пожарил пельмени и незаметно их съел.

Наверное, нужно позвонить бывшему оперу, посоветоваться, но телефона одноклассника в записной книжке телефона не оказалось, а ехать из-за этого домой Виктор Федорович не хотел.

Принял душ и лег в постель, на то место, где обычно спала Ира.

В тот год, когда он впервые зашел к ней на даче, зима началась поздно. А однажды, кажется, это был конец ноября, разразилась страшная гроза. Тогда даже были пострадавшие, а половина Подмосковья осталась без света. Виктор помнил, как, приехав на работу, неожиданно подумал, что соседке Ирине, если она еще живет за городом, вполне может понадобиться помощь.

Вообще-то к бескорыстной помощи, о которой его никто не просил, Виктор Федорович относился скептически. То есть откровенно не одобрял. Они даже как-то поспорили с Ириной по этому поводу.

– Ты знаешь, – рассказывала Ира о какой-то подруге, – она так много делает для людей!

Подруга не то помогала бездомным, не то собирала игрушки и одежду для малоимущих, Виктор Федорович уже не помнил.

– Для людей ничего не надо делать, – бурчал он. – Людям нужно не мешать.

– Витя! Обстоятельства бывают разные! Ну как ты не понимаешь! Тебе хорошо, ты успешный, сильный.

– Я успешный, потому что вкалывал с утра до ночи.

– Но не все же так могут!

– Почему? – искренне не понимал он. – Почему здоровые взрослые люди не в состоянии себя обеспечить? Помогать надо старикам, инвалидам и детям-сиротам. Все! Все остальные обязаны никакой помощи не требовать.

– А если женщина остается одна с детьми? – грустно спросила тогда Ира. – Ей тоже не надо помогать?

– Ну… Одинокой бабе с детьми помочь нужно, – согласился он. – Только помочь ей можно одним-единственным способом – посодействовать в поисках работы.

В то утро, после ночной грозы, он не думал о том, что взрослым людям-неинвалидам помогать не нужно. Он поехал на дачу и застал там соседку Ирину сидящей без света в холодном доме.

Вечером за ней должен был приехать Татьянин муж, но Виктор Федорович отвез Иру в Москву сам. Поехать на электричке она не могла – ей необходимо было везти ноутбук и кучу бумаг.

На следующий день он пригласил Ирину в ресторан, а потом они никогда не виделись реже, чем хотя бы раз в неделю.

Ночевать у нее он остался только через два года, твердо понимая, что никогда не заменит ей Ивана. Он к этому и не стремился. Для него Света продолжала оставаться женой, и никакую другую женщину на ее месте он видеть не хотел.

Виктор Федорович не думал, что заснет, но незаметно провалился в сон.

Без Насти было совсем тошно. Алина немного поговорила с Еленой Анатольевной, соседка подошла, увидев Алину с ребенком. Потом перекинулась парой слов с другой соседкой, которая приезжала редко, несколько раз за лето. Эту соседку Алина не любила, тетка была неприветливая и всем недовольная. В прошлом году она пыталась заставить всех высаживать цветы у идущей вдоль дороги канавы, но из этой затеи ничего не вышло. Соседи покивали, не споря с надоедливой теткой, и как косили у канавы траву, каждый у своего участка, так и продолжали косить.

Одна Алина, как дура, посадила астры.

– Это уму непостижимо! – говорила соседка. – Убивают прямо в поселке! Охрана вся уже сидеть должна! А они ходят как ни в чем не бывало. За что мы им

деньги платим?!

Алина покивала – черт его знает, за что мы платим деньги охране.

Тетка еще повозмущалась и отперла свою калитку, а Алина пошла с Илюшей домой.

Она заметила, что текут слезы, только когда принялась читать сыну книжку. Малыш уже засыпал, только ненадолго открывая глазки, когда она замолкала. Неожиданно ребенок завозился, поднялся на ножки и ласково погладил Алину по лицу. Она не сразу поняла, что Илюша ее жалеет, подхватила его на руки и заплакала по-настоящему, так, что пришлось доставать носовой платок и долго сморкаться. Потом она сидела, держа сына на коленях и крепко прижав к себе, пока не заметила, что Илюша заснул.

– Ты у меня самый лучший на свете, – шепотом сказала Алина, кладя его в кроватку. – И я все сделаю, чтобы тебе всегда было хорошо. Ты вырастешь умным, сильным и добрым, и я буду тобой гордиться. У нас все будет отлично, вот увидишь.

После обеда она еще немного погуляла с Илюшей на улице, а потом, посадив сына в коляску, решительно направилась к больнице.

Молодой стройной брюнетки она не увидела, зато заметила Олю Сидоркину. Подруга тоже увидела Алину, минут пять посидела рядом.

– Ну неужели ты не знаешь, кто вместе с тобой работает? – возмущалась Алина. – Здесь молодых-то полтора человека!

– Больница большая, – оправдывалась Оля. – Три корпуса.

В половине девятого Илюша начал хныкать, и Алина направилась к дому.

– Знаешь что, – сказала она, остановившись у развилки. – Мы с тобой как-нибудь сходим в дом, где я раньше жила. Это дом твоей двоюродной бабушки, я тебе потом о ней расскажу. Она была очень хорошая.

Малыш потряс пластмассовым слоником, согласился, наверное.

Подул резкий ветер. Алина посмотрела на небо, облака по нему не плыли, неслись. Она заспешила, дойти бы домой до дождя.

– Подожди, – попросила она Илюшу уже у крыльца. – Посиди тихонечко, я сейчас.

Трава была высокой и мокрой, нужно попросить кого-то ее скосить. Алина подошла к забору и остановилась у почти незаметного пятачка. Пятачок был уже покрыт новой травкой, но все-таки выделялся.

Опытный глаз сразу заметит, что не так давно здесь копали.

Елена Анатольевна обещала дать Алине цветы, чтобы Алина посадила их на участке. Вообще-то никаких цветов Алина не просила, просто похвалила соседскую клумбу, а сердобольная Елена Анатольевна сразу пообещала поделиться с Алиной. Алина поблагодарила, конечно.

Она еще раз оглядела место будущего цветника. Место было выбрано удачно, и с дорожки хорошо видно, и мешать никому не будет.

Алина вернулась к ребенку и снова посмотрела на траву у забора.

Внизу, неглубоко под землей, лежал пистолет.

14 июля, пятница

Свет Настя не включала. Пока брела к дому, казалось, что немедленно упадет и заснет, но сон, в который так хотелось провалиться, не шел.

Захотелось пить, Настя поднялась с дивана, стоящего в коридоре на втором этаже, спустилась вниз, налила воды из пятилитровой канистры. Вода была теплая, невкусная.

Снова поднялась наверх, снова легла на диван. Лечь в их с Сережей кровать казалось невозможным. Зазнобило. Настя нехотя села, потом все-таки сходила в

мамину комнату за пледом, накинула себе на плечи и уселась в углу дивана, подтянув под себя ноги.

Она могла ожидать от жизни любых неприятностей, она понимала, что люди болеют, теряют работу, и здоровье теряют, и жизнь чаще всего ни для кого не бывает безоблачной.

Она могла предположить что угодно, кроме того, что Сережа начнет обнимать чужую девушку.

– Почему ты остановился около меня?

– Потому что ты моя судьба.

Она бы весело посмеялась, если бы еще утром кто-то сказал ей, что у Сережи другая судьба, не Настя.

Зимой у нее был тяжелый грипп. Она лежала с температурой, а Катя как раз организовала фотосессию, ей очень хотелось дать рекламу в толстый дамский журнал. Рекламу они дали, заплатив за это немыслимую сумму.

Насте нужно было обязательно проконтролировать, как сидит одежда на девушке-модели, правильный ли у модели макияж, да и просто успокоить Катю. В таких вещах подруга привыкла полагаться на Настю.

Настя тогда поехала в свое ателье и полдня там проторчала, пока Сережа не отвез ее домой. Дома он сунул ей градусник, и оказалось, что температура почти тридцать девять, и он ругался на Настю и подавал ей теплое питье, и она знала, что он боится за нее и что она очень ему нужна.

Теперь ему нужна другая девушка.

То ли от света Леночкиного фонаря, то ли оттого, что ненадолго показалась луна, предметы в доме Настя слабо различала. А сначала казалось, что она находится в полной темноте. Как в преисподней.

Настя вытянула ноги, легла, укрывшись пледом. Двери, ведущие в коридор, было видно, а картину, висевшую над диваном, – нет. Картину подарил Ивану Николаевичу какой-то больной. Кажется, больной сам ее написал. Картина никому не нравилась, ни Ире, ни родителям, ни самому Ивану Николаевичу. На ней были изображены непонятные геометрические фигуры, заполненные разными цветами. Художник утверждал, что это история человечества.

Ни в свои московские квартиры, ни здесь к себе в комнаты картину никто повесить не захотел, и она заполняла пустое пространство над диваном. Неожиданно Насте захотелось рассмотреть картину получше, она даже приподнялась, но ничего не увидела. Нужно было включить свет, а на это сил не было, и она снова легла.

Картина нравилась Ириной подруге. Подруга вышла замуж и уехала в одну из арабских стран, а пару лет назад зачем-то приезжала в Москву и навестила Иру на даче.

Ира подругу жалела, но та с удовольствием рассказывала про свою ужасную, по московским понятиям, жизнь.

– На самом деле так и должно быть, – говорила подруга. – Женщина должна сидеть дома и заниматься детьми.

– И терпеть многоженство? – с сомнением спросила Ира.

– А где его нет, многоженства? – усмехнулась тогда подруга, и все засмеялись.

Настя тоже засмеялась, высказывание показалось остроумным. Правда, в их семье мужчины любовниц не заводили.

Во всяком случае, до вчерашнего дня она была в этом уверена.

Заснуть бы и не проснуться, мечтала Настя. Но заснуть не удавалось.

Внизу что-то стукнуло. Настя прислушалась – показалось.

Через несколько секунд послышался шорох, потом тихий скрип. Настя села, вжалась спиной в диван.

Только что ей хотелось умереть, а теперь было так страшно, что перехватило дыхание.

Скрип раздался снова. Кажется, на лестнице.

Спрятаться! Забиться куда-нибудь в шкаф!

Она метнулась к ближайшей двери, налетела на стул, стул упал с негромким стуком, показавшимся оглушающим.

Снизу тоже донесся шум, стук. Настя стояла, прижавшись к стене, и только через некоторое время поняла, что в доме абсолютная тишина.

Она на цыпочках пробралась к лестнице, ведущей ко второму входу, почти не дыша спустилась, отодвинула тумбочку, быстро отперла замок-вертушку и оказалась на улице.

Леночкин фонарь просвечивал через ветки яблони.

Сердце стучало так, что, наверное, его было слышно даже за забором.

Настя села на ступеньку крыльца, стараясь спрятаться за балясинами. Ей казалось, что она оцепенела от страха. Издалека доносился шум ночной электрички. Потом залаяла собака.

Небо начало светлеть.

Неожиданно страх сменился злостью. Из-за какого-то ублюдка она сидит и дрожит на холодном ветру! Да она может закричать так, что сбежится весь поселок!

Она не будет мечтать о смерти. Ей только двадцать шесть лет. У нее вся жизнь впереди.

Ей хочется быть счастливой, и она будет счастливой!

Настя поднялась, подошла к калитке. Калитка была распахнута настежь, Настя ее закрыла.

Потом подошла к входу, которым обычно пользовались, включила свет на веранде. На веранде валялся задетый несостоявшимся вором стул. То есть это Настя решила, что стул опрокинул ночной грабитель.

Она подняла стул, включила свет на кухне, а потом и во всем доме. Кроме нее в доме никого не было.

У картины, висевшей над диваном, она задержалась. Какое-то время смотрела на неровные цветные спирали, расходившиеся от центра, и решила, что картина хорошая. Непонятная, необычная, странная, но хорошая. Если долго на нее смотреть, успокаивает вроде психотропного средства.

Настя вернулась на веранду, заперла входную дверь на засов, а потом легла на свою кровать и сразу заснула.

К Славиному приезду нужно приготовить ужин, и желательно повкуснее, он это ценил. Но готовкой Алина решила заняться, пока малыш будет спать днем, а утром, накормив ребенка кашей, посадила его в коляску и направилась в старый тетин дом.

Опять накрапывал дождь. Алина подняла верх коляски, а сама зонт раскрывать не стала, дождь был не холодный, если немного намочит волосы, не страшно.

Тетю, оставившую ей дом в наследство, Алина любила. Вообще-то Галя была не родная тетя, двоюродная, но ближе родственников у Алины не было. Не считая мамы, конечно.

Характер у тети Гали был замечательный. Никогда не унывала. Добрая была, приветливая, хотя жизнь с ней обошлась неласково. Замуж так и не вышла, детей не было.

Алину тетя очень любила. Когда Алина окончила школу, тетя обещала платить за институт. «Ты не думай, – говорила она. – У меня деньги есть, главное, чтобы у тебя диплом был». А какие там деньги, работала тетя в фирме, занимавшейся озеленением, должность у нее была небольшая, и суммы, которые наверняка в фирме крутились, до нее не доходили. Доходила одна крошечная зарплата.

Тетина помощь не понадобилась, Алина поступила на бюджетное отделение.

– Ты не замерз? – спросила Алина Илюшу, заглянув в коляску.

Малыш что-то ответил, наверное, что ему не холодно.

Алина достала телефон, позвонила маме.

– Я сегодня не приду, – сообщила Алина, держась одной рукой за коляску. – Хочу сходить к Гале.

Тетин дом они до сих пор называли Галиным.

– Да там же еды нет! – заволновалась мама.

– Ну и что? – отмахнулась Алина. – Мы с Илюшкой поиграем часик и назад пойдем.

Дождь перестал. Алина опустила верх коляски, малыш завертел головой.

– Сейчас придем, – пообещала Алина. – Скоро уже.

Она не могла поверить, что Гали больше нет, когда позвонила тетина соседка.

Только накануне вечером тетя разговаривала и с Алиной, и с мамой. Жаловалась, правда, что кашель и температура поднялась, и обещала утром же обязательно вызвать врача.

До утра тетя не дожила.

Алина не была в тетином доме больше года. В прошлом году ни разу не зашла, но маленький садик был в полном порядке. Цветы прополоты, около кустарников трава выкошена. Это мама постаралась, а Алине ничего не сказала.

– Это наш домик, Илюша, – Алина вынула сына из коляски, ребенок вырвался, потопал по дорожке к крыльцу.

Крыльцо было старое, малыш мог занозить ручку, но Алина его не остановила. Занозит так занозит, ничего страшного. Мужчиной должен расти, а не изнеженной барышней.

Илюша ползком добрался до двери. Алина подвинула сына, отперла дом.

Воздух в пустующем помещении показался застоявшимся, спертым. Она распахнула окна.

Ей нравилось жить в тетином доме. Она приезжала на выходные из Москвы, включала свет и читала дамские романы. Еще она знала, что очень нравится соседскому парню. Парня звали Игорем. Правда, сама Алина к Игорю была равнодушна, понимала, что ничего хорошего с ним ей не светит, а светит унылая жизнь от получки до получки.

Тогда он работал автослесарем и, как Алина знала, не брезговал ворованными запчастями. Это тоже отталкивало.

Игоря убили три года назад. Убийцу не нашли. Это произошло почти сразу после громкого нападения на инкассаторов, случившегося в их тихом городке, и полиции было не до случайного убийства.

Илюша походил по комнате, вернулся к Алине, уткнулся ей в ноги.

– Пойдем гулять, – она взяла сына на руки. – Бабушка цветочки посадила. Красивые.

В окно было видно, как открылась дверь соседского дома. На соседском крыльце стояла симпатичная стройная девушка с короткими темными волосами.

Мама говорила, что у дяди Степана объявилась родственница, но Алина почему-то представляла ее толстой старой теткой.

Алина с Илюшей на руках выбежала из дома, подошла к забору и крикнула:

– Здравствуйте!

Девушка тоже подошла к забору и тоже сказала:

– Здравствуйте.

Илюша вертелся, хотел на травку, Алина его отпустила.

– Вы родственница Дормидонтовых?

– Да, – кивнула девушка.

– Я не знала, что у дяди Степана есть родственники, – заявила Алина и спохватилась: – Меня Алина зовут.

– Ксения, – представилась девушка. – Ксюша.

Она была лет на десять моложе Алины.

Через несколько минут выяснилось, что на восемь. Ксения в прошлом году окончила школу, поступила в хороший московский вуз и разыскала дальнего родственника Степана Михайловича. Вернее, это дядя Степан разыскал по Интернету Ксюшину маму, и он же уговорил ее родителей отпустить дочь в Москву. Ксюша собиралась учиться у себя в городе.

Алине бы в голову не пришло, что Степан Дормидонтов был неплохим интернет-пользователем.

– Все ругают ЕГЭ, – говорила Ксюша. – А на самом деле это хорошо, правильно. Я бы никогда в Москве учиться не смогла, если бы не ЕГЭ. А теперь учусь. Набрала хорошие баллы и учусь.

– Ты молодец, – похвалила Алина.

Ксюшины родители на похороны Степана Михайловича приезжали, но уже уехали. А Ксюше в доме дяди понравилось. В Москве они с подругой квартиру на двоих снимают, но здесь лучше.

– Ксюша, ты к Ирине Анатольевне приходила? В дачный поселок? – наконец спросила Алина.

– К кому? – удивилась девушка.

– Ты приходила к женщине в дачный поселок, – вздохнула Алина и зачем-то соврала: – Я тебя там видела.

– А… – догадалась Ксюша. – Я не знала, как ее зовут… Дядя Степан разыскивал жену какого-то Ивана Николаевича. Хотел что-то ей передать. Какую-то записку.

Что было в записке, Ксюша не знала.

Это знала Алина.

Дядя Степан откуда-то узнал адрес, Ксюша попросила женщину зайти в больницу.

– Эту женщину убили следующей ночью.

– Господи, ужас какой! А за что?

– Никто не знает. Не за что было ее убивать, она хорошая была.

Время подходило к обеду. Алина простилась с новой соседкой, посадила Илюшу в коляску и повезла домой, на дачу, обедать и спать.

Ничего странного в том, что Степан Михайлович жену Ивана Николаевича не знал. Дачники живут своей жизнью, а городок – своей. Это Ивана Николаевича все знали. Он весь город лечил, и маленькую Алину тоже.

Что в соседском доме открыта настежь входная дверь, Алина заметила случайно.

– Настя! – крикнула Алина. – Настя!

Помимо Насти могли приехать ее родители, но Алине повезло. Подруга появилась откуда-то сбоку, из-за кустов.

– Привет!

– Я нашла ту девушку! – похвасталась Алина.

Настя выглядела как-то странно, но Алина не обратила на это внимания.

– Сейчас Илюшку уложу и позвоню тебе, – пообещала Алина. – Приходи ко мне, я все расскажу.

Малыш заснул прямо в коляске. Алина переложила его в кроватку, посидела рядом, напомнила себе, что должна быть сильной, и позвонила Насте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniya-gorskaya/gruz-semeynyh-cennostey

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить